Вал. Свенцицкій.

Письма ко всѣмъ

(ПАМФЛЕТЪ).

ПИСЬМО I. КЪ САМОМУ СЕБѢ.
» II. КЪ ДУХОВЕНСТВУ.
» III. КЪ БУРЖУАЗІИ.
» IV. КЪ РАБОЧИМЪ.
» V. КЪ БУДУЩИМЪ ЛЮДЯМЪ.
» VI. КЪ БЫВШЕМУ ДРУГУ.

МОСКВА
—
1907

3716

ɪграфія А. П. Поплавскаго, Москва, Лялинъ пер соб. домъ.

Посвящается умершему другу
Борису Кузнецову.

ПИСЬМО I.

КЪ САМОМУ СЕБѢ.

ПИСЬМО I.

Къ самому себѣ,

Я долго колебался, прежде чѣмъ рѣшился сать самому себѣ.

Не въ томъ дѣло, что это немного смѣш по меньшей мѣрѣ странно—я нисколько не бо быть смѣшнымъ, и еще того меньше быть ст нымъ.

Меня смущало другое.

Во-первыхъ я никакъ не могъ съ точнос опредѣлить: *кто*, собственно, является автор письма, и *кому* оно пишется. Во-вторыхъ, обы моя боязнь «литературной лжи». Какъ хотите, есть уже что-то лживое, неискреннее въ томъ, человѣкъ о чувствахъ своихъ разсказываетъ на магѣ, мокаетъ въ чернильницу, водитъ перомъ; томъ отсылаетъ все это въ типографію и полу етъ корректуру, «исправляетъ», наводитъ «лоск потомъ сдаетъ эти напечатанныя чувства на ком сію въ магазинъ и они раскупаются.

Противно, унизительно, фальшиво.

Я долго колебался, но теперь рѣшилъ окончательно: могу и долженъ писать самому себѣ. Пусть будетъ нѣкоторая условность, ложь, если хотите, но онѣ есть и въ каждомъ нашемъ шагѣ. Даже

въ молчаніи нашемъ, когда кричать хочется, есть ложь.

Но главное: теперь я твердо и окончательно знаю, *кто* во мнѣ пишетъ и *кому* пишетъ!

. . . . . .

Я знаю, ты будешь читать мое письмо въ полномъ одиночествѣ, тебѣ некуда будетъ укрыться, не за кого спрятаться. Тебѣ будетъ совѣстно смотрѣть мнѣ прямо въ глаза, въ суровые и острые, которыхъ ты такъ боишься.

И не думай просить о снисхожденіи, лепетать что-нибудь о томъ, что всѣ грѣшны, о томъ, что ты еще молодъ и когда-то тамъ въ будущемъ достигнешь чего-то прекраснаго. Уйди прочь отъ меня съ своимъ дряблымъ, трусливымъ, лживымъ, фарисейскимъ лепетомъ.

Я знаю тебя, ты прекрасно умѣешь говорить, интонація твоя такъ искрення, такъ подкупаетъ. Но я то, о, я слишкомъ хорошо знаю тебя и я призванъ безжалостно вонзить ножъ въ твою страшными язвами покрытую душу, душу жалкаго раба, прикрытую золотою парчею, потихоньку украденною у Господина.

Я знаю все напередъ, что ты скажешь мнѣ въ свое оправданіе. Молчи лучше, не открывай своихъ лживыхъ губъ, я все скажу за тебя. Подкарауливая меня ночью, когда, ты знаешь, я становлюсь добрѣй, сколько разъ уже испуганно заглядывая въ мои

глаза, ты говорилъ мнѣ, какъ трудно жить, какъ ты одинокъ, какъ тебя «не понимаютъ», а потому и грѣхъ твой ужъ не такъ непростителенъ, ужъ не такъ безпросвѣтенъ.

Унижаясь, подлизываясь, какъ щенокъ, ты хотѣлъ вымолить у меня подачки своей безумной, похотливой, развращенной, самодовольной душѣ.

Ну, что же еще хочешь ты прибавить къ этому? Воспитаніе! Изнѣженность, барство, развратъ старшихъ, которые ты видѣлъ, какъ только помнишь себя, впечатлительность натуры, яркость воображенія?

Довольно. Слушай и знай: нѣтъ тебѣ спасенья въ жалкихъ бутафорскихъ укрѣпленіяхъ, куда ты хочешь забиться отъ гнѣва Господня. Ты долженъ со смиреніемъ принять то, что я буду говорить тебѣ; покаяться искренно, не на одинъ часъ и начать новую жизнь.

Ты думаешь, можно проплакать ночь у подножья креста Господня, а потомъ залѣзть по горло въ грязь и воображать, что ты двигаешься къ какому-то совершенству!

Такъ слушай-же.

Ты говоришь и пишешь о реформѣ Церкви; въ тебѣ вызываетъ пламенный гнѣвъ то, во что превращена христіанская жизнь. Ты правъ, никто не въ силахъ здѣсь спорить съ тобою: не оставлено камня на камнѣ отъ древнихъ катакомбъ, отъ древнихъ братскихъ молитвъ, отъ древней любви, отъ

древней, святой, радостной, блаженной жизни христіанскихъ общинъ.

Но постой, а ты? Что сдѣлалъ ты, чтобы вернуть эту любовь, эту радость? Какъ смѣешь ты произносить имя Христово?

Я знаю, ты будешь говорить, что никогда не произносишь имени Его безъ благоговѣнія, что въ минуты упадка никогда не осмѣливаешься говорить о Немъ. Минуты упадка! Часы, мѣсяцы, годы, а не минуты. Да знаешь ли ты, что слово твое безсильно даже тогда, когда ты весь горишь любовью ко Христу, безсильно твоимъ прошлымъ и позорнымъ будущимъ, которое ты прекрасно знаешь, что будетъ позорнымъ. Вѣдь никогда, даже въ минуты наивысшаго подъема своего ты не вѣришь, что не упадешь снова въ грязь.

Ты загипнотизировалъ себя и близкихъ тебѣ крайностями своей натуры. Словно такъ и быть должно, что ты или горишь огнемъ Божіимъ или распаляешься огнемъ сатаны. Ты пріучилъ себя къ мысли, что иначе не можетъ быть, и безъ ужаса думаешь о томъ, что и въ будущемъ ждетъ тебя такая же жизнь безумныхъ колебаній.

О, да и какъ не привыкнуть! У тебя такая роскошная память. Ты помнишь, какъ, будучи ребенкомъ семи-восьми лѣтъ, ты потихоньку отъ всѣхъ мучилъ животныхъ, упивался преступнымъ чувствомъ власти надъ беззащитнымъ безсловеснымъ созданіемъ, и мечталъ тогда, что все лежитъ у твоихъ ногъ,

весь міръ пропадалъ изъ глазъ твоихъ, одно лишь несчастное животное было передъ твоимъ жаднымъ взоромъ, и кощунствуя, съ дикимъ хохотомъ ты, маленькое чудовище, какъ взрослый Антихристъ, говорилъ, обращаясь къ Богу: я выше Тебя, выше! хочу,—все растопчу!

А потомъ, такъ же потихоньку отъ всѣхъ, съ жгучимъ чувствомъ стыда и страха бѣжалъ въ темную, холодную церковь и тамъ рыдалъ до потери сознанія.

И такъ всегда, и такъ во всемъ.

Скажи по совѣсти, какъ передъ Богомъ, есть ли на свѣтѣ человѣкъ развратнѣе тебя, кто бы такъ упоительно, такъ неистово, предавался своей похоти?

Нѣтъ, постой, я долженъ тебѣ сказать все это. Это мое право, моя обязанность. Чтобы ты не смѣлъ съ какою-то гнусною гордостью говорить, что ты прошелъ путь «отъ публичнаго дома до Голгоѳы». Ты долженъ перестать наслаждаться своею сложностью, воображать, что твоя гнусность даетъ дипломъ на званіе великаго человѣка, и вмѣсто искренняго, глубокаго и окончательнаго покаянія, чтобы ты не купался въ своемъ собственномъ самолюбіи.

Да, это правда, ты превзошелъ многихъ въ своемъ грѣхѣ, ибо оргіи твои всегда были съ участіемъ демоновъ. Ты шелъ на развратъ, какъ на бой съ

Господомъ своимъ, и ярость и бѣшенство твое не знало предѣловъ.

Я знаю, что ты потомъ, какъ потерянный, бралъ посохъ и, не находя себѣ мѣста, начиналъ ходить по монастырямъ, ты до крови простаивалъ свои колѣни, ты морилъ себя голодомъ, ты билъ и терзалъ плоть свою, мстя ей за поруганіе святыни. Но пора наконецъ понять тебѣ, что не оправданіе можешь найти ты въ этихъ изломахъ, а лишь высшее осужденіе.

Только тогда прошлое не будетъ накладывать на жизнь твою своей мертвой руки, когда ты сможешь, прямо смотря въ глаза Христа, сказать, что этому прошлому не повториться никогда.

Но вѣдь бывали же такія пламенныя, такія восторженныя вспышки религіознаго чувства, скажешь ты: я такъ близко ощущалъ Христа моего, онъ такъ звалъ меня, я такъ любилъ Его.

Скажу: тѣмъ хуже, тѣмъ ужаснѣе, тѣмъ позорнѣе грѣхъ твой. Многіе безконечно достойнѣйшіе тебя уже давно стали бы святыми, если бы они хоть разъ такъ близко были къ Нему; а ты искушаешь долготерпѣніе Господа, ты не идешь, когда зовутъ, ты падаешь, когда тебя держатъ.

Слушай, ты долженъ немедленно, теперь же, начать новую жизнь, гибель ожидаетъ тебя, бичъ Господенъ уже занесенъ надъ тобою и только по безконечному милосердію своему Господь еще не призываетъ тебя къ окончательному суду. Начни

новую жизнь, святую радостную жизнь во Христѣ, въ ней и только въ ней одной великій, непреходящій смыслъ.

Помни: дьяволъ отецъ лжи. Ложь это мнимая сила въ тебѣ, это стальная воля, обманъ наслажденія плоти, обманъ вся сладость грѣха. Мишура, фальшивый блескъ, вся эта гордость людская, вся трескотня міра. Шумиха, пыль, прахъ! Нѣтъ большаго геройства, какъ смиреніе, большей силы воли, какъ отреченіе отъ воли своей, большей властности, какъ отказъ отъ всякой властности, нѣтъ большаго счастья, большей побѣды, большаго величія, какъ всего себя отдать высшей Волѣ. Пусть враги Его, жалкіе, ничтожные рабы смерти, въ безуміи своемъ провозгласившіе себя героями, принимаютъ игрушечное величіе за подлинное геройство. Ты долженъ знать ему цѣну. Сердце ихъ ударитъ въ послѣдній разъ и герой превратится въ трупъ, царь въ кусокъ земли, жалкій рабъ въ жалкое ничтожество. Не можетъ клѣточка отрываться отъ организма—разложеніе и смерть поразятъ ее.

Какъ малъ, какъ смѣшонъ этотъ крикливый герой, принимающій безуміе свое за силу, по сравненію съ великими подвижниками, которые, какъ уходящіе вдаль великаны, безмолвно и торжественно стоятъ на всемъ пути міровой исторіи.

Нѣтъ, не издерганный, въ шутовской нарядъ героя одѣвшійся безумецъ долженъ стоять передъ твоимъ умственнымъ взоромъ! Дьяволъ отецъ лжи:

онъ подводитъ къ пропасти, разстилаетъ миражи и толкаетъ впередъ! Остановись, шагъ твой—погибель твоя, обманъ, безжизненный обманъ разстилается передъ тобою.

Посмотри въ глубь вѣковъ, какимъ ореоломъ красоты, силы, величія блистаютъ вѣнцы мучениковъ, смиренныхъ, все прощавшихъ старцевъ, героевъ юношей и дѣвушекъ, безтрепетно шедшихъ на костры, молившихся за своихъ истязателей. Проклятье—поддѣлка подъ силу, ибо смерть не побѣждается проклятіемъ; сильнѣе смерти—только любовь.

Тихій голосъ великихъ печальниковъ гремѣлъ на весь міръ; благодатная радость осушала моря человѣческихъ слезъ; и до сихъ поръ мы, слабые и больные духомъ, живемъ ихъ крѣпостью, согрѣваемся ихъ свѣтомъ. О, они не кричали о себѣ на всѣхъ перекресткахъ: мы все можемъ! Самого Господа вызываемъ на бой! Но подлинно все могли; и если вызывали на бой Господа, то боролись съ Нимъ въ глубокомъ безмолвномъ уединеніи. Это бывала святая борьба, Господь приходилъ и святою десницею своею участвовалъ въ ней.

А къ этимъ шутамъ Господь не удостаиваетъ притти, одни демоны окружаютъ ихъ и создаютъ обманъ, мнимую борьбу съ Господомъ, мнимую побѣду мнимой силы.

Разорви же вокругъ себя желѣзный кругъ обольщеній и прорвись туда, въ ту святую, таинственную, исполненную силою духа, жизнь.

Я знаю, послѣднее время ты началъ задыхаться въ этой атмосферѣ лжи, полуистины, полуправды, поддѣлокъ, мишурнаго геройства. Крѣпкія цѣпи держатъ тебя, но ужъ что-то рвется къ новой землѣ и новымъ небесамъ. Не заглушай святыхъ призывовъ въ душѣ своей, не обрѣзай крыльевъ, которыя готовы поднять тебя. Не искушайся соблазномъ силы своей, не искушайся своимъ убогимъ величіемъ, которое для тебя кажется такъ несомнѣнно въ уединеніи твоемъ. Ты еще ни шагу не сдѣлалъ впередъ, но всю жизнь свою шелъ назадъ. Брось, сложи всѣ доспѣхи шута, которые люди провозглашаютъ драгоцѣнностями и надѣнь новое, роскошное убранство, роскошь котораго видятъ немногіе которое рубище для большинства.

Я знаю, послѣдніе дни ты чутко прислушиваешься къ моему суровому голосу и сейчасъ готовъ съ устъ твоихъ сорваться вопросъ: что же дѣлать?

У каждаго свой путь къ единой вѣчной правдѣ. Твой путь одинъ. Не пугайся его, не отворачивайся отъ него, любовь, безмѣрная любовь къ тебѣ заставляетъ меня сказать тебѣ это прямо: иди въ пустыню! Да, да, иди скорѣе прочь отъ міра, въ которомъ ты погибнешь самъ и будешь соблазномъ для многихъ.

Послушай, я знаю, ты будешь говорить эти фарисейскія слова о любви къ ближнимъ, о служеніи, людямъ, о грѣхѣ одиночества. Это сѣть фарисей-

скихъ словъ, орудіе пытки и гибели въ рукахъ сатаны.

Тебя кто-то держитъ здѣсь во имя любви къ людямъ, а любовь не дается тебѣ только потому, что ты не уходишь!

Иди въ пустыню, брось все. За мертвыми словами «служить ближнему» прячатся чудовища, которыя на самомъ дѣлѣ и держатъ тебя. Тебѣ жаль бросить міръ, который ты любишь, какъ можно любить только сладкую грезу, ты любишь борьбу, сознаніе силы, побѣду, у тебя есть земныя привязанности, жгучія, страстныя до муки!

Ужъ сколько разъ разбивался ты о какую-то дьявольскую твердыню въ душѣ своей, падалъ и снова шелъ, покуда не разбивался снова. Твердыню эту разрушитъ только отшельникъ! Тебѣ нѣтъ другого пути, кромѣ самоотреченья, созерцанія, безмолвія, одиночества. Въ безмолвной пустынѣ, брошенный всѣми и всѣхъ бросившій, прислушиваясь къ каждому звуку въ душѣ своей, мыслью, чувствомъ, волею своею восходя къ Единому Отцу своему, ты пронижешь свѣтомъ все темное до основанія. И тогда загоришься и не потухнешь никогда; загоришься свѣтомъ всепрощенья и любви и оттуда, изъ одиночества своего придешь и отдашь все, что имѣешь, своимъ страдающимъ, погибающимъ братьямъ.

Не слушай голосовъ, когда они льстя говорятъ, что такіе люди какъ ты нужны въ міру, что грѣш-

но теперь оставлять жизнь, что духовное сибаритство толкаетъ тебя къ созерцанію и подвигу.

Да, люди нужны, да, міръ бросать грѣшно. Но люди нужны не такіе, какъ ты, а такіе, какимъ ты *здѣсь* стать не можешь.

Не ради своей побѣды, не ради своей гордости и своихъ духовныхъ наслажденій уходи прочь изъ міра. Уходи въ одиночество не ради одиночества, а ради борьбы съ одиночествомъ, разрозненностью и разложеніемъ въ мірѣ.

Уходи, чтобы притти. Но притти новымъ человѣкомъ, сильнымъ своимъ самоотреченіемъ, непобѣдимымъ своею побѣдою надъ самимъ собою!

Иди въ пустыню!—таковъ твой путь.

. . . . . .

Никто, о никто, какъ я, не знаетъ твоихъ грѣховъ, твоихъ душевныхъ язвъ, и кому же, какъ не мнѣ, сказать тебѣ о нихъ. Тебѣ приходится слышать упреки и обличенья, но отъ кого? Или отъ тѣхъ, кто погрязъ въ пошлости, кто обличаетъ твои *дьяволькіе* грѣхи, потому что самъ окруженъ *мелкими бѣсами,* обличаетъ не во имя высшей правды, а во имя *менѣе замѣтной* неправды. Или отъ тѣхъ, кто обличаетъ, но не любитъ.

Ты долженъ послушать голоса моего, ибо кто же любитъ тебя, кто же знаетъ тебя лучше, чѣмъ тотъ, кто пишетъ самому себѣ?!.

ПИСЬМО II.

КЪ ДУХОВЕНСТВУ.

ПИСЬМО II.

Къ духовенству.

Отцы пастыри! Много горькой и жестокой правды приходилось вамъ слышать за послѣдніе годы. Но упреки мало трогали васъ: вы отмахивались отъ нихъ тѣмъ, что они исходятъ отъ невѣрующихъ людей и направлены не столько противъ религіознаго безсилія, сколько противъ политической отсталости. Они не воспламеняли васъ на подвигъ, потому что *обличали*, но не призывали *служить волѣ Божіей*.

И вы закрывали свою совѣсть отъ справедливыхъ ударовъ обличеній. А тѣ, въ комъ совѣсть была глубже, тѣ, которые не могли не чувствовать своей вины только потому, что на нее указывали люди невѣрующіе,—приходили въ безсильное отчаяніе и страдали молча.

Теперь, въ этомъ письмѣ вы услышите голосъ и не безбожника, и не сектанта: онъ долженъ дойти до васъ, я вѣрю, онъ не можетъ не тронуть хоть нѣкоторыхъ изъ васъ!

Ваша совѣсть не можетъ не дать отвѣтъ на вопросъ, который поставленъ передъ вами.

— *Что вы сдѣлали съ Церковью?*

Церковь Христова! Многіе-ли чувствуютъ все величіе, всю красоту этихъ словъ?

Безчисленными устами, какъ затверженный урокъ, мы говоримъ: вѣрую во Святую Соборную Апостольскую Церковь. Но какое содержаніе вкладывается въ эти слова: колокольни, красный звонъ, архіерейскія кареты! Развѣ это Церковь? Развѣ въ эту Церковь надо *вѣровать?* Развѣ она не у всѣхъ передъ глазами? «Церковь—тѣло Христово», «Церковь—собраніе вѣрующихъ»,—мы повторяемъ это, какъ надоѣвшій урокъ, но переживается-ли хоть одна милліонная доля того, что значитъ «тѣло Христово», и что значитъ «собраніе вѣрующихъ?»

Прямо говорю: нѣтъ, не переживается, не чувствуется, ибо если-бы одна милліонная доля переживалась—ужаснулись-бы передъ тѣмъ, во что превращена Церковь, и безъ колебаній отдали-бы всю жизнь свою на то, чтобы кровавыми слезами омыть опозоренное «тѣло Христово!»

Вѣдь каждый изъ васъ любитъ жену, дѣтей, родной домъ, любитъ природу, душистый лѣсъ, ясное небо; каждый испыталъ, какъ радостно увидѣть въ комъ-нибудь очень хорошее, или сдѣлать что-нибудь очень доброе самому, каждый чувствовалъ, какъ хороша, какъ прекрасна жизнь. Но пусть онъ представитъ себѣ нѣчто лучшее, чѣмъ все, что онъ знаетъ, чего не охватить мечтой, что познается какимъ-то самымъ глубокимъ, сокровеннымъ чув-

ствомъ. Пусть онъ представитъ себѣ нѣчто болѣе близкое, дорогое, чѣмъ жена, дѣти, болѣе прекрасное, чѣмъ природа, безконечно доброе, безпредѣльно радостное, совершенное, чистое, благое. И тогда такъ близко къ нему подойдетъ кто-то родной, ласковый; такой восторгъ охватитъ душу! Онъ пойметъ, что передъ нимъ Тотъ, Кто источникъ всей радости, красоты, добра, жизни!.. Онъ почувствуетъ, какимъ одинокимъ и жалкимъ былъ раньше, и захочетъ остаться всегда съ Нимъ, жить только для Него,—и любить, любить, любить! Ничего не надо,—никакихъ наградъ, никакихъ условій—одно только; хоть края снѣжныхъ ризъ Его коснуться, дышать около Него, принимать всѣмъ сердцемъ лучи радости, идущіе отъ Него, и любить безъ конца! Быть съ Нимъ частью Его, тѣломъ Его!..

И въ немъ подымется такая жажда сбросить съ себя все темное, тяжелое, весь грѣхъ, всю пыль земли, которая мѣшаетъ, туманитъ глаза, давитъ сердце, сбросить навсегда, отказаться отъ всего личнаго и слиться съ Нимъ, жить только Его жизнью, быть только около Него!

И все отнынѣ будетъ новымъ для него, во всемъ,—въ небѣ, въ душистомъ лѣсу, въ дѣтяхъ своихъ, въ радости своей, въ музыкѣ, въ таинствахъ, въ церковныхъ гимнахъ, въ пѣніи птицъ,—всюду онъ будетъ ощущать знакомыя черты, знакомую великую радость и великую муку Голгоѳы.

Онъ будетъ чувствовать себя слитымъ со всей

красотой, со всѣмъ Добромъ міра. Всякая правда будетъ радовать его, какъ своя и горе—печалить, какъ свое.

Онъ будетъ знать, будетъ вѣровать тогда всей душой во Святую, Соборную, Апостольскую Церковь!

Святую, потому что къ ней принадлежитъ только то, что свято.

Соборную,—потому что въ ней только тотъ, кто живетъ жизнью общей. А общей жизнью можетъ жить только тотъ, кто любитъ.

Апостольскую, — потому что только тотъ членъ ея, кто беретъ на себя по мѣрѣ силъ своихъ апостольское служеніе.

Эта Церковь доступна не для всякихъ глазъ, въ эту Церковь надо *вѣровать*. Она *могла-бы* быть доступна и для глазъ, но только въ томъ случаѣ, если-бы люди всю свою жизнь отдали Церкви, если-бы они, вѣрующіе *дѣйствительно*, соединились вмѣстѣ, какъ было это въ первые вѣка.

Но, отцы-пастыри, что вы сдѣлали съ Церковью въ ея земномъ проявленіи? Въ Церкви-ли вы сами, или внутренній, неслышный, но страшный голосъ давно вамъ сказалъ: анафема!

Вы ушли отъ жизни, вы бросили все и всѣхъ на произволъ судьбы. Вы заперли свои теплыя квартиры отъ холода и вѣтра, равнодушные, трусливые, жалкіе, вы погрузились въ мертвый покой смерти. Всѣ, до мозга костей, вы пропитались безбожнымъ

отношеніемъ къ жизни, вы рабски подчинились скуднымъ стихіямъ міра сего; вы не вѣруете сами, а потому и другихъ не учите, что надъ земной «цѣлесообразностью» и необходимостью стоятъ высшіе законы правды и долга. Истинная Церковь ушла отъ взоровъ вашихъ и вы потеряли силу узнавать, гдѣ Духъ ея. Свершился величайшій грѣхъ: Единую главу Церкви Христа вы замѣнили безбожной главой чудовища и все тѣло медленно изъ тѣла Христова превратили въ страшное тудловище Звѣря!

И вотъ посмотрите: подобно Іудѣ, цѣлованіемъ предавшаго Христа, современный Іуда съ крестомъ животворящимъ присутствуетъ при отвратительнѣйшемъ злодѣйствѣ—удушеніи обезоруженнаго человѣка, присутствуетъ не для того, чтобы именемъ Христовымъ остановить злодѣяніе, не для того, чтобы призвать къ покаянію бездушныхъ палачей, а для новаго преданія Христа, на новую муку, которая утонченнѣе и страшнѣе бывшей двѣ тысячи лѣтъ назадъ!

Развѣ можетъ терновый вѣнецъ, и распятіе, и царская багряница сравниться съ той мукой, которая въ этомъ новомъ поруганіи Спасителя?

Пастырь, вмѣстѣ съ прокуроромъ, представителемъ языческой власти, и палачемъ, за деньги нанятымъ душить человѣка, съ крестомъ, на которомъ распятъ Спаситель міра, также по суду, тѣми же прокурорами и пастырями, вмѣстѣ, въ омерзительномъ союзѣ подъ покровомъ ночи, идутъ

совершать свое темное дѣло!.. Что это? Призракъ? Дѣйствительность? Или ненасытная жажда мести того, кто вдохновлялъ Анну и Каіафу, и кто поверженъ былъ въ прахъ Воскресеньемъ. Отцы пастыри, призывая васъ съ Крестомъ благословлять смертную казнь, васъ не отрекаться отъ Христа призываютъ,—больше, васъ призываютъ къ богохульству.— Но помните, всѣ грѣхи могутъ быть прощены— хула на Духа Святого—никогда!

Церковь—тѣло Христово! Но Его тѣло свѣтлое, радостное, нетлѣнное, оно полно любви, красоты, прощенья. Развѣ служители *этой* Церкви писали «смиренныя» посланія Синода, въ которыхъ не знаешь чего больше—холопской трусости или развязнаго цинизма? Развѣ служители этой Церкви натравливаютъ брата на брата, руководятъ избіеніями евреевъ, освящаютъ пулеметы, оправдываютъ, благословляютъ всѣ гнуснѣйшія преступленія правительства, призываютъ жандармовъ, отдаютъ храмы во власть солдатъ, которые оттуда, какъ изъ засадъ, разстрѣливаютъ народъ!

Нѣтъ, не этой Церкви служители вы, не Христосъ господинъ вашъ, *другому* поклонились вы!

Развѣ архипастыри, намѣстники Христа на землѣ, похожи на Его апостоловъ? Куда дѣвали они великую заповѣдь Христа «кто хочетъ быть *первымъ*, пусть будетъ всѣмъ слугой».

Чѣмъ отличается нашъ архипастырь отъ военнаго генерала? Развѣ грудь его не такъ же осыпана

орденами и звѣздами? Развѣ служатъ они своей паствѣ, развѣ умоютъ они ноги своихъ учениковъ не въ Церкви, гдѣ это мертвый обрядъ, а въ жизни, гдѣ это должно быть живой правдой!

Что общаго между тѣмъ, какъ апостолы шли на проповѣдь и парадными выѣздами, на четверкѣ лошадей, разодѣтаго, современнаго «Намѣстника Христа?»

О, если-бы навстрѣчу архіерейской каретѣ шелъ апостолъ Христовъ! Развѣ резиновыя шины намѣстника не окатили его съ ногъ до головы грязью!

Но, погасивъ въ себѣ духъ Христовъ, архипастыри сдѣлали все, чтобы погасить его и въ пастыряхъ, и въ Церкви. Малѣйшій свободный христіанскій порывъ преслѣдуется ими, какъ преступленье, и всякая вспышка духа душится ихъ мертвыми руками. Они сдѣлали все, что въ ихъ власти, чтобы превратить пастырей въ безмолвныхъ рабовъ, мертвую машину для исполненія мертвыхъ обрядовъ.

И трудъ ихъ воистину увѣнчался полнымъ успѣхомъ.

Можно-ли узнать въ современномъ «приходѣ» Христіанскую общину первыхъ вѣковъ!

Чужіе, ненужные другъ другу люди собираются въ разукрашенной Церкви, гдѣ безжизненно повторяются слова и молитвы, которыя нѣкогда были созданы религіознымъ вдохновеніемъ вѣрующихъ. На одномъ клиросѣ безучастный хоръ, на другомъ еще болѣе безучастный дьячекъ, въ алтарѣ назначенный, чужой для всѣхъ душъ пастырь, а передъ алтаремъ

«православные Христіане» по привычкѣ *ходящіе въ Церковь* съ тѣмъ, чтобы *дома жить хуже язычниковъ*. Нѣтъ въ Храмѣ общей молитвы,—а если нѣтъ общей молитвы—нѣтъ среди вѣрующихъ и Христа! Тѣло и кровь Его принимаютъ вѣрующіе не въ жизнь вѣчную, а въ осужденіе.

Церковь освятила собственность, она благословила путь смерти Ананія и Сапфиры, и вотъ теперь люди, отгороженные другъ отъ друга непроницаемой стѣной, несутъ эту стѣну въ храмъ и тамъ въ пустомъ, душномъ, мертвомъ склепѣ, гдѣ заперта ихъ душа, безжизненно молятъ о чемъ-то Господа.

«Просите во имя Мое», сказалъ Христосъ. Но для этого нужно, чтобы Христосъ былъ съ молящимися, а для этого молящіеся должны быть *вмѣстѣ*. Вмѣстѣ только тотъ, кто любитъ, а не тотъ, кто говоритъ: это мое!

Можно-ли сравнить христіанскія общины первыхъ вѣковъ, гдѣ все было общее, никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ,—съ нашимъ приходомъ, гдѣ живутъ «домовладѣльцы, богачи-собственники—гдѣ они объѣдаются, тонутъ въ роскоши и хотятъ купить у Бога спасеніе жертвуя «на колокольни», а другіе гніютъ въ сырыхъ подвалахъ отъ нищеты и непосильнаго труда.

Нѣтъ общей жизни въ приходахъ,—всѣ живутъ для себя; нѣтъ общей молитвы,—ибо нѣтъ общей любви; нѣтъ въ Храмахъ среди «вѣрующихъ» Хри-

ста, ибо не ему они служатъ жизнью своей, а безъ жизни молитва—богохульство!

А во что превратился пастырь? По торжественнымъ днямъ его нехотя впускаютъ въ домъ, гдѣ онъ наскоро читаетъ молитвы и кропитъ святой водой, получаетъ рубль и уходитъ до слѣдующаго торжественнаго случая или до какой-либо закономъ обусловленной требы: свадьбы, похоронъ, крещенія. Кто знаетъ пастыря и кого онъ знаетъ, кого онъ воистину *пасетъ*? Какая связь у него съ тѣми, кто живетъ въ его «приходѣ», когда эти живущіе ни съ кѣмъ не имѣютъ Христовой связи, а имѣютъ «знакомыхъ» и родныхъ.

Но во что при такомъ условіи превращены таинства? Въ чемъ проявляется истинная святая Церковь?

Куда изгнали вы ее изъ своихъ приходовъ? И снова, и снова встаетъ вопросъ: что вы сдѣлали съ Церковью?

Великій грѣхъ—требуетъ великихъ подвиговъ для своего искупленія. И духовенство обязано предъ Богомъ сознать весь ужасъ своего грѣха и смѣло вступить на путь истиннаго пастырскаго служенія.

Что же дѣлать? Спросите вы. Съ чего начать?

Ближайшее, хотя и внѣшнее, но необходимое условіе возрожденія истинной Церковью—это политическая свобода, свобода проповѣди, печати, союзовъ, братствъ и т. д., необходимыя для того, чтобы пробудить религіозную жизнь въ умирающихъ душахъ, отравленныхъ вѣками рабства и лжи.

И вы должны служить полному политическому освобожденію всѣми доступными вамъ путями.

Порвать всякую связь съ «участкомъ», съ жандармами и «истинными русскими людьми», это первый долгъ вашей совѣсти.

Въ дѣлѣ Христовомъ—сила и побѣда въ правдѣ, истинѣ и красотѣ, а потому личная жизнь, личный подвигъ, жизнь безъ всякихъ компромиссовъ, исполненіе Евангелія, немедленная, полная недопустимость никакихъ откладываній, никакой *постепенности*, жизнь, исполненная подвига, самоотреченія, — вотъ главнѣйшее внутреннее условіе, чтобы вызвать къ жизни земную, видимую церковь.

И наконецъ углубленіе религіознаго сознанія, христіанское рѣшеніе общественныхъ вопросовъ, рѣшеніе вопросовъ науки и культуры, служеніе Господу не только сердцемъ, но и мыслью своею,—вотъ то третье святое дѣло, требующее отъ христіанъ великой творческой работы, которое необходимо для истиннаго церковнаго возрожденія.

Все это сходится въ концѣ концовъ въ одномъ: необходимо создать религіозную организацію не въ внѣшнемъ смыслѣ слова, но во внутреннемъ. Всѣ наличныя религіозныя силы, разбросанныя по разнымъ угламъ, должны взойти въ взаимодѣйствіе, въ взаимообщеніе, почувствовать себя участниками единаго общаго дѣла.

Пусть духовенство, на мѣстахъ, стягиваетъ въ единый центръ всѣ наличныя религіозныя силы при-

хожанъ, этимъ постепенно будетъ подготовлено и внѣшнее условіе для болѣе широкаго объединенія. Отдѣльныя группы должны вступать въ связь другъ съ другомъ меньшія съ большими, большія между собою и т. д. Одно изъ ужаснѣйшихъ искушеній это чувствовать себя одинокимъ воиномъ, который одинъ въ полѣ; этотъ соблазнъ уничтожится коль скоро каждый будетъ *видѣть*, что онъ не самъ, по себѣ, а вмѣстѣ съ другими приступаетъ къ работѣ Господней.

Связь другъ съ другомъ, которая могла бы подготовить всероссійскій съѣздъ, дастъ возможность путемъ личнаго знакомства, обмѣна мнѣній и религіознаго опыта,—подготовиться каждому къ этому отвѣтственному и великому дѣлу, церковнаго строительства.

Еще Богъ знаетъ, что ожидаетъ церковь, какія новыя тяжелыя испытанія готовятся ей въ связи съ предстоящимъ соборомъ, всѣ истинно любящіе Христа и святую Соборную церковь Его, должны найти другъ друга, чтобы рука объ руку, во Имя Его встать на защиту Его царствія.

Коллективный голосъ не замретъ. Если враги истинной церкви встрѣтятся лицомъ къ лицу съ мощной общей любовью спаянной религіозной силой—они должны будутъ или уступить или открыто объявить себя врагами Христа, сбросить ту личину, въ которой до сихъ поръ они обманывали людей, думая, что обманываютъ и Бога.

Не надо бояться словъ. Пусть называютъ это реформаціей. Это слово пугаетъ, потому что оно связано съ опредѣленными историческими ассоціаціями.

Нужно бояться всякой мертвой формы, нужно бояться того, чтобы организація вмѣсто духовной не превратилась въ профессіональную и коллективныя выступленія христіанъ не превратились въ стачку за улучшеніе условій жизни. Пусть каждаго предохранитъ отъ этого его совѣсть и его любовь ко Христу. А реформаціи въ смыслѣ разрыва со всѣмъ темнымъ, антихристовскимъ, въ нашей православной церкви въ смыслѣ разрыва съ Синодомъ и его ставленниками, разрыва съ торгующими требами, превратившими пастырей въ орудіе погромовъ, тьмы, злобы,—реформаціи въ этомъ смыслѣ бояться нечего.

На обязанности пастырей лежитъ по мѣрѣ силъ своихъ подготовлять это дѣло, распространять литературу, проповѣдывать въ церквахъ, сближаться другъ съ другомъ, работать и надъ собой и надъ приходомъ. Только такимъ путемъ камень за камнемъ можетъ строиться истинная Христова церковь.

Бываютъ времена, когда всякій недѣлающій совершаетъ преступленіе. Такое время переживаемъ теперь мы.

Россія брошена въ такую кровавую бездну, изъ которой вывести ее можетъ одинъ Христосъ, и на васъ, на пастыряхъ церкви Христовой, лежитъ прежде всего обязанность воскресить Христа въ рус-

ской жизни. Работа трудная. Она требуетъ не только подвига, но и мученичества. Но вы или должны снять свои назорейскія одежды, или смѣло итти на эту работу. До сихъ поръ вы или молчали, или вмѣсто грозной всенародной проповѣди обличенія лепетали въ газетныхъ фельетонахъ что-то о необходимости «склонить сердце царево на милость».

Отцы пастыри! Окиньте вашимъ взоромъ не вашъ участокъ, а всю Русь, весь міръ. Вы почувствуете тогда, что нельзя говорить: «Богъ дастъ, обойдется». Церковь гибнетъ. И можно съ увѣренностью сказать, что никогда еще въ исторіи нельзя было по настоящему судить о будущемъ съ такой достовѣрностью, какъ сейчасъ.

Это настоящее—полное торжество смерти,—будущее гибель Россіи.

Одна церковь можетъ воскресить нашу родину, и преобразить міръ.

Поймите же, почувствуйте всѣмъ сердцемъ вашимъ весь ужасъ того, что вы сдѣлали съ церковью, и съ пламеннымъ покаяніемъ начните новую жизнь, истинное пастырское служеніе во славу грядущей возрожденной Церкви и во спасеніе погибающей Россіи.

ПИСЬМО III.

КЪ БУРЖУАЗІИ.

ПИСЬМО III.

Къ буржуазіи.

«Горе вамъ богатые! ибо вы уже получили свое утѣшеніе. Горе вамъ, пресыщенные нынѣ! ибо взалчете. Горе вамъ, смѣющимся нынѣ! ибо восплачете и возрыдаете». (Лука VI, 24). Горе вамъ, потому что вы уродуете души свои, уродуете жизнь вашихъ ближнихъ, оскверняете храмъ божій, превращая его въ домъ торговли и вертепы разбойниковъ!

Я видѣлъ безумную женщину. Она была накрашена, въ громадной шляпѣ съ перомъ, въ яркомъ шелковомъ платьѣ, съ какимъ-то нелѣпымъ шлейфомъ, съ декольтированной узкой больной грудью, съ морщинистымъ, состарившимся лицомъ и съ черными зубами. Но разлагающееся тѣло по привычкѣ было завернуто въ шелкъ и кружева.

Вотъ вашъ символъ!

За шелкомъ, блескомъ, самодовольствомъ, изысканностью вашей жизни спряталась безумная, жалкая, изуродованная душа, безобразно вцѣпившаяся когтями холодѣющихъ рукъ въ омерзительное чудовище, имя которому *собственность!*

А кругомъ, съ подобострастіемъ стоятъ вель-

можи, духовенство всѣхъ церквей въ золотыхъ митрахъ, камилавкахъ, кардинальскихъ мантіяхъ, съ брилліантовыми крестами, иконами, хоругвями...

И въ пустыхъ храмахъ, гдѣ нѣтъ ни одной живой души,—ибо души остаются стеречь награбленное добро,—мертвые люди, мертвой вѣры, руководимые ни во что невѣрующими фарисеями, безъ содроганія и ужаса читаютъ въ сотняхъ тысячахъ храмовъ великія слова Христа: «Горе вамъ, богатые!.. Горе вамъ, пресыщенные!.. Горе вамъ, смѣющимся нынѣ!»

Но пусть бы ужъ вы сбросили свой шутовской нарядъ и открыто объявили себя жрецами золотого истукана. Но нѣтъ, здѣсь, какъ и во всемъ, мало вамъ творить беззаконіе, вамъ нужно прикрыться ученіемъ Того, Кто былъ самый безпощадный вамъ обличитель. Вамъ нужно во что-бы то ни стало насмѣяться надъ Нимъ. Словно вы хотите отомстить Ему за вѣе, самой высшей мѣрой мщенья. «Смотри,—молъ,—назарейскій бродяга, грозившій намъ слезами и горемъ, какъ сладко живется намъ. Да еще съ благословеніемъ твоихъ же «намѣстниковъ», на основаніи твоего-же собственнаго ученья!»

Что за бѣда, что Христосъ на вопросъ юноши: «что мнѣ дѣлать, чтобы имѣть жизнь вѣчную?» отвѣтилъ: «если хочешь быть совершеннымъ, пойди продай имѣніе твое и роздай нищимъ». (Мѳ. XIX, 21).

А въ Дѣяніяхъ апостольскихъ говорится, что «у множества увѣровавшихъ были одно сердце и одна душа и никто ничего изъ имѣнія своего не назы-

валъ своимъ, но все у нихъ было общее, и продавали имѣнія и всякую собственность и раздѣляли всѣмъ по нуждѣ каждаго. Не было между ними никого нуждающагося, ибо всѣ, которые владѣли землями или домами, приносили цѣну проданнаго и полагали къ ногамъ апостоловъ, и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду». (Дѣян. IV, 31—35 I, II, 45).

Что за бѣда, что въ ученіи XII апостоловъ говорится прямо: «раздѣляй все съ братомъ твоимъ и не говори, что это твоя собственность» (IV сор.).

Фарисеи не смущаются, они знаютъ, что дѣлаютъ. «Пусть, молъ, читаютъ Евангеліе! Своими толкованіями мы не оставили камня на камнѣ» въ ученіи Христа».

И вотъ люди раздѣлили землю на куски, которые назвали государствами и стали убивать другъ друга, чтобы отнять у однихъ и прибавить другимъ. Внутри государства, который посильнѣй, захватилъ громадныя пространства, на которыхъ могли бы кормиться и жить десятки тысячъ людей,—въ то время, какъ другіе умираютъ отъ голода и жмутся на нѣсколькихъ квадратныхъ саженяхъ. Захватили машины, воруютъ рабочій трудъ и на ворованныя деньги купаются въ роскоши,—а рабочихъ загнали въ сырыя подполья, гдѣ они задыхаются, гибнутъ физически и духовно.

И всѣ озлобились, остервенились, жадно глотая, какъ голодные волки, громадные куски, чтобы за-

хватить больше, больше до пресыщенья. Хватаютъ, тащутъ съ собой, грызутся другъ съ другомъ, все принеся въ жертву этой жадности, этой проклятой страсти, которую называютъ «священной собственностью», принесли въ жертву любовь, правду, истину, все, чѣмъ живъ человѣкъ!

Земля покрылась городами, освѣтилась электричествомъ, телеграфы, телефоны, желѣзныя дороги. А міръ для каждаго становится все уже и уже, и, наконецъ, каждый замкнулся въ своемъ домѣ, какъ звѣрь въ берлогѣ, ненавидя всѣхъ другихъ, не думая ни о комъ и ни о чемъ, лишь-бы росло то, что «мое», «мое!» награбленное, отнятое, сваленное въ кучу!

На всемъ въ мірѣ легла ваша мертвая рука, все самое прекрасное отравили вы вашей гнусной похотью, всюду разлагающее вліяніе того строя, который выросъ изъ чувства собственности.

Что сдѣлали вы съ женщиной? Развѣ можно узнать въ этихъ перетянутыхъ, полуоголенныхъ уродахъ, съ проколотыми ушами, въ нелѣпыхъ шляпахъ—великій образъ вѣчной божественной красоты? Вы убили въ ней душу, вы осквернили въ ней чистый источникъ жизни, вы опозорили ея красоту, вы превратили ее въ дорогое кушаніе; съ безпомощныхъ дѣтскихъ лѣтъ, вы приготовляете изъ нея, какъ искусный поваръ лакомое блюдо для гастронома, и похоть свою осмѣливаетесь называть любовью! Вы заставили ее забыть, на что послалъ ее

Господь, забыть въ чемъ ея истинная красота и подлинное служеніе. Ради васъ съ дѣтства коверкаетъ она свое тѣло, сознательно или безсознательно направляя все отъ платья до улыбки на то, чтобы возбуждать вашу похоть.

Осмотритесь кругомъ хотя разъ не опьяненнымъ взоромъ въ театрѣ, концертѣ, на курортѣ, на этомъ наиболѣе блестящемъ скопищѣ буржуазіи. Вы должны будете содрогнуться отъ ужаса и отвращенья: мадонна превращена въ породистую самку, которая гордится тѣмъ, что болѣе другихъ можетъ доставить наслажденіе мужчинѣ!

Развѣ не роскошь, не пресыщеніе создали весь тотъ утонченный развратъ, которому вы принесли въ жертву лучшее твореніе Творца, развѣ не собственность такъ искалѣчила васъ, что вы безъ содроганія подняли руку на святую красоту женщины, втоптали ее въ грязь; и умъ, сердце, душу, все отбросили прочь!

А наука? искусство? И здѣсь слышно ваше смрадное дыханіе смерти! Вы оттолкнули народъ. Вы сказали «это наше», «это для насъ»,—и искусство отлетѣло отъ жизни. Донынѣ бьется оно, задыхаясь въ неизъяснимыхъ мукахъ, въ той пустотѣ, куда вы вышвырнули его вонъ. И напрасно рвется оно назадъ къ своей родной стихіи.

Все человѣческое вы называли *своимъ*, всеобъемлющее вы сдѣлали кускомъ для себя—и величайшее творческое начало,—искусство,—на краю гибели: вы

такъ изуродовали его, что истинная жизнь едва теплится въ немъ, готовая погаснуть вовсе. Отданное на потѣху, запертое въ тюрьмѣ, оно съ каждымъ днемъ развращается больше и больше, становится рабомъ вашихъ желаній, вашихъ потѣхъ, услаждаетъ ваши больные, извращенные вкусы, разлагается, умираетъ медленной смертью, какъ умираетъ и ваша собственная душа!

Все, вся жизнь превращена вами, самодовольными, бездушными, кровожадными собственниками, въ сплошной стонущій адъ.

Такъ ужели же не можетъ отрезвить васъ то, что вы мало по малу сдѣлали съ жизнью! Но тогда пусть бы хоть смерть отрезвила васъ! Пусть вы пришли-бы въ себя хотя разъ въ жизни, если не днемъ, такъ хоть ночью, оставшись наединѣ съ собой. Пусть, если не любовь, то хоть страхъ заставилъ бы опомниться васъ. Развѣ черезъ нѣсколько лѣтъ каждый изъ васъ, со всею вашею награбленною роскошью, не превратится въ кусокъ разлагающаго мяса? Развѣ спасутъ ваши раззолоченные дворцы кого-нибудь отъ этого конца? Ужели-же страхъ передъ вѣчностью не въ силахъ разсѣять вашего опьяненія? Вы должны хоть на одинъ мигъ оторваться отъ вашей позорной жизни и спросить себя: «Зачѣмъ»? Но нѣтъ, призракъ смерти вы стараетесь отогнать, еще больше разжигая въ себѣ похоть собственности, захлебываясь, задыхаясь, съ еще большимъ остервененіемъ глотая и оттаскивая въ

свои владѣнія громадные куски. И даже въ самую смерть вы вносите кощунственное богатство, точно смѣясь надъ ея великимъ смысломъ,—вы сумѣли создать «богатыхъ покойниковъ», чтобы хоть часть украденнаго вами при жизни сошла съ вами въ могилу.

Закрывшись отъ смерти, вы безжалостно принялись уродовать, кромсать, неистово разрушать жизнь. Вы чувствовали себя полными хозяевами, вы устранили всѣ преграды: совѣсть, правду, жалость и даже страхъ смерти. Но былъ одинъ вашъ самый ненавистный, самый могущественный врагъ, и на него вы обрушились всей своей ратью—вы изгнали изъ своей жизни Христа. Никто, какъ Онъ, не обличалъ вашихъ пороковъ, пророчески не раскрывалъ предъ вами всѣхъ ужасовъ того, что вы сдѣлаете съ жизнью, никто такъ безпощадно не повергалъ вашего кумира—собственности, съ такой пламенной любовью не призывалъ васъ роздать имѣніе свое.

Но безумію вашему нѣтъ границъ. Вы завладѣли Церковью, привили ей тотъ-же смертоносный духъ собственности и устами ея представителей стали убаюкивать свою совѣсть. Прямыя, покоряющія, какъ громъ слова Іисуса вы подмѣнили бездушными, продажными словами своихъ рабовъ, вы купили Церковь и самодовольные, торжествующіе воцарились безраздѣльно!

Но чаша гнѣва Господня—наполнилась до краевъ. Знайте-же вы, что живъ Онъ, живъ ненави-

стный вашъ врагъ, нашъ Спаситель. Вы могли изгнать Его изъ *своей* жизни, но не могли изгнать Его изъ *міра*. Вы могли заставить своихъ рабовъ хулить Его имя, оправдывать вашу преступную похоть, но есть, живы Его *служители*.

Изуродовавъ Церковь, вы думали, что всѣхъ оттолкнете отъ Христа,—но знайте, что Христову работу взяли на себя теперь чистые сердцемъ, хотя не знающіе Его умомъ своимъ,—на Васъ, разложившихся отъ духовной смерти, идетъ страшная сила соціализма, и вы не устоите передъ ней, дни ваши сочтены!

Знайте еще, что изуродовавъ *свою* Церковь вы не смогли изуродовать Церковь *Христову*.

Знайте, близится день, когда человѣчество, стряхнувшее ваше многовѣковое иго, развернетъ во всю ширь свои силы, проявитъ во всей полнотѣ свою свободу, и тогда откроется подлинная Церковь, соединенная любовью, чистая, какъ непорочная жена, пламенная, какъ духъ апостоловъ, Церковь Святая, Соборная, Апостольская. Знайте, живы служители Христовы, съ надеждой, любовью и вѣрой ждутъ они этихъ великихъ дней, уши ихъ въ минуту уединенной молитвы уже съ радостнымъ трепетомъ слышатъ приближающіеся изъ глубины вѣчности шаги грядущаго Господа.

Настало время покаянія. Воспряньте духомъ, сбросьте цѣпи рабства, гоните прочь вашу похоть, гоните долой «священную» собственность.

Ананій и Сапфира утаили имущество отъ Бога, они хотѣли упиться этой отравой, они думали закрыть глаза свои отъ великаго источника жизни. Сами произнесли они надъ собой смертный приговоръ, и пророческій голосъ Петра сказалъ: умрете!

Этотъ пророческій голосъ звучитъ и понынѣ: да, умрете вы всѣ, отдавшіе сердце свое во власть смерти, во власть тлѣннымъ сокровищамъ міра сего, поклонившіеся страшному идолу собственности; умрете вы всѣ, закрывающіе глаза передъ Истиннымъ свѣтомъ, возвѣщеннымъ міру Христомъ, умрете вы, развратившіе людей, омертвившіе творчество, осквернившіе жизнь!

Да погибнетъ навсегда духъ рабства и похоти! Отряхните прахъ съ ногъ вашихъ,—идите къ новой жизни, гдѣ все любовь и радость, гдѣ истинное равенство, подлинная свобода, свобода отъ самой смерти, идите къ новой жизни, гдѣ всѣ братья и сестры,—идите ко Христу!

ПИСЬМО IV.

КЪ РАБОЧИМЪ.

ПИСЬМО IV.

Къ рабочимъ.

Я вполнѣ сознаю, какъ трудно говорить съ вами по *христіански*, о вопросахъ больныхъ и насущныхъ для васъ. Вѣдь большинство изъ васъ, такъ называемыхъ «сознательныхъ», потеряли всю вѣру. Потеряли ее не въ силу разрушающей критики разума или непреоборимыхъ доказательствъ науки,—вѣра безъ труда выдержала-бы и то и другое,—нѣтъ, вѣра соскользнула съ васъ безъ борьбы и сомнѣній съ легкостью, съ которой падаютъ внѣшніе едва прикрѣпленные покровы. Говорить съ вами по-христіански, это прежде всего значитъ говорить о христіанствѣ и вотъ въ этомъ-то лежитъ главное затрудненіе. Предметъ такъ великъ, что не одно—десятки, сотни писемъ я долженъ былъ-бы написать вамъ, чтобы передать ту полноту истины, которая открывается въ положительной религіи. Это во-первыхъ. А во-вторыхъ нѣтъ ни одного слова, на которомъ было-бы такое нагроможденіе лжи и обмана, которое было-бы такъ искажено, изуродовано, опоганено, какъ великое слово христіанство. Можно отвернуться отъ самыхъ очевидныхъ истинъ, если они будутъ исходить изъ позорнаго источника. Чтобы отнестись къ словамъ христіанина безъ предубѣжденія, нужно большое усиліе воли.

И все-таки я не могу не сказать вамъ, хоть от-

рывочно, безъ связи, то, что давно уже просится на языкъ, не могу не написать вамъ хотя-бы одного письма, не имѣя возможности сейчасъ написать много: смотрите на это письмо, какъ на краткое введеніе къ длинной рѣчи, которая будетъ обращена къ вамъ въ недалекомъ будущемъ.

Прежде всего невольно возникаетъ вопросъ: можетъ-ли вообще честный человѣкъ говорить о христіанствѣ? Я увѣренъ, что громадное большинство изъ васъ на этотъ вопросъ по совѣсти отвѣтитъ отрицательно.

Какъ только вы стали «сознательными», вы прежде всего узнали, что всѣ образованные люди давно уже не вѣрятъ въ Бога. Вы узнали это изъ популярныхъ книжекъ и отъ близкихъ вамъ образованныхъ людей. Они даже не доказывали вамъ,— нужно-ли доказывать общепризнанныя истины,— просто сказали, что это такъ, и вы согласились безъ малѣйшихъ колебаній; отсюда для васъ становилось сразу очевидно, что религія не болѣе, какъ обманъ и средство держать народъ въ рабствѣ.

А если такъ, то можетъ-ли честный человѣкъ говорить о христіанствѣ? Не ясно-ли, что всякій въ двадцатый вѣкъ, начинающій говорить о Христѣ, или сумасшедшій, или лжецъ, ханжа, изъ своихъ низменныхъ цѣлей прикидывающійся вѣрующимъ человѣкомъ, чтобы, пользуясь народнымъ невѣжествомъ, обдѣлывать свои дѣлишки.

Такой выводъ особенно неотразимо долженъ напрашиваться потому, что такихъ христіанъ, торгу-

ющихъ религіей оптомъ и въ розницу, у каждаго сколько угодно передъ глазами. Но правда-ли это? Правда-ли, что Богъ умеръ и что воскрешать его могутъ или безумцы, или негодяи?

Попробуйте, спросите людей, говорящихъ вамъ о смерти Бога, гдѣ, кто и когда доказалъ, что религія ненужный вздоръ. Пусть вамъ скажутъ, что такое произошло за эти долгія двѣ тысячи лѣтъ со смерти Христа, что бы съ такой очевидностью опровергало положительную религію?

Вамъ говорятъ: доказала наука, но какъ наука могла доказать то, чѣмъ она никогда не занималась?

Наука имѣетъ дѣло съ фактами, она разбираетъ въ этихъ фактахъ, выводитъ изъ нихъ законы. Религія область вѣры, умозрѣнія, непосредственныхъ чувствъ и логическихъ разсужденій, она касается вопроса объ отношеніи человѣка къ высшему началу, къ Богу, къ міру. Очевидно, что бы наука въ своей области ни открывала, она никогда не можетъ опровергнуть религіи въ силу того простого обстоятельства, что она даже не дается и не можетъ задаваться тѣми вопросами, которыя ставитъ себѣ религія. Какія-бы машины ни изобрѣтались, какіе-бы химическіе опыты ни производились, что бы люди въ микроскопъ не видѣли, вопросъ о томъ, есть-ли Богъ, этимъ не можетъ быть рѣшенъ ни въ положительномъ, ни въ отрицательномъ смыслѣ. Люди могутъ изобрѣсти летательный снарядъ, но это нисколько не опровергнетъ воскресенія Христова.

Никогда не слѣдуетъ забывать словъ одного изъ

величайшихъ ученыхъ новаго времени, Пастера: «я знаю много и вѣрую, какъ бретонецъ, говорилъ онъ;—если-бы я зналъ вдвое больше, я вѣровалъ-бы, какъ бретонская женщина». Наука доказала, что нѣтъ Бога! А Дарвинъ, котораго считаютъ профессіональнымъ разрушителемъ христіанства, утверждалъ, что его ученіе не противорѣчитъ религіозному чувству и вѣровалъ въ единаго личнаго Бога. Почему ему никто не доказалъ отъ имени науки, что онъ заблуждается? Почему такіе люди, какъ Вл. Соловьевъ, Достоевскій, Трубецкой, образованные европейски, въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова, вѣровали въ то самое Существо, о смерти котораго достовѣрно извѣстно любому гимназисту перваго класса? Нужно внимательнѣй вдуматься въ этотъ знаменательный фактъ.

Очевидно, вѣра дается или полнымъ невѣжествомъ, тогда она слѣпая; или громадной внутренней духовной и мозговой работой, тогда она зрячая.

Большая часть интеллигенціи не знаетъ, не хочетъ знать того, что она отрицаетъ. Ни одному человѣку не придетъ въ голову отрицать ученіе прежде, чѣмъ онъ не узнаетъ его; въ отношеніи одного только христіанства это считается допустимымъ. Ни одному человѣку не придетъ въ голову лечить, не зная медицины, или рѣшать ариѳметическія задачи не зная сложенія,—но рѣшать вопросъ, заблуждается христіанство или нѣтъ, каждый считаетъ себя вправѣ даже ни разу не прочтя Евангелія.

Ученые позволяющіе себѣ отъ лица науки отри-

цать то, на что наука ихъ не уполномочивала, въ отношеніи общихъ вопросовъ, вопросовъ философіи и религіи, въ большинствѣ случаевъ такіе же невѣжды, какъ и гимназисты перваго класса. Только на первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, почему это гимназисту или студенту перваго курса совершенно ясно, что никакого Бога не существуетъ, а для Соловьева, Трубецкого, Достоевскаго, Дарвина, Пастера это не только не очевидно, а какъ разъ напротивъ, для нихъ очевидно, что Богъ существуетъ. Но если вдуматься въ это, станетъ ясно въ чемъ дѣло. Вопросъ простой и очевидный *издали*, становится часто запутаннымъ и сложнымъ, если къ нему подойти *ближе*. Легко сказать религія— вздоръ и безъ размышленій, махнувъ рукой, пройти мимо, но для того, чтобы понять только, насколько сложны всѣ эти вопросы, и то нужно много думать и много пережить, а для того, чтобы рѣшить ихъ по настоящему, для этого нужна цѣлая жизнь.

Не религія виновата, что ее считаютъ за *очевидный* вздоръ, а люди, которые боятся серьезной, внутренней работы и предпочитаютъ невѣжественную вѣру замѣнить невѣжественнымъ отрицаніемъ, а не сознательной религіей.

Въ этомъ письмѣ я и думаю не столько рѣшать религіозные вопросы, сколько поставить ихъ передъ вами; передъ тѣми рабочими, которые считаютъ себя «сознательными» и которые бросили свою вѣру, эту величайшую мудрость, и отреклись отъ божественныхъ истинъ, сіяющихъ нетлѣнной красотой

и исполненныхъ абсолютной правды, во имя безцвѣтной, пошлой «общедоступности!»

Вамъ предлагаютъ міровоззрѣніе такое понятное, простое и ясное,—что трудно не соблазниться имъ, Оно не требуетъ никакой духовной работы, достаточно одного и то очень незначительнаго мозгового напряженія, чтобы оно стало вашимъ, какъ будто-бы вы прямо родились съ нимъ. Оно не стоитъ въ противорѣчіи съ нѣсколькими практическими задачами, которыя являются для васъ насущными и желанными и вамъ начинаетъ казаться ваше новое міровоззрѣніе всеобъемлющей истиной. Вамъ некогда задать себѣ вопросъ: возможно-ли, принявъ это міровоззрѣніе, разумно отвѣтить на другіе жизненные вопросы и, если логически развить тѣ или другія основныя положенія этой теоріи, не приведетъ ли это къ нѣкоторымъ непреоборимымъ противорѣчіямъ. А что, если это дѣйствительно такъ? вѣдь тогда значитъ, что за правильное рѣшеніе практическихъ задачъ вы заплатили слишкомъ дорогою цѣною: отреченіемъ отъ своей религіозной вѣры.

Что въ самомъ дѣлѣ можетъ быть проще и заманчивѣе матеріалистическаго взгляда на жизнь и на исторію. Нѣтъ никакихъ туманныхъ и запутанныхъ идей, безсмысленныхъ чаяній загробной жизни, ненужныхъ басенъ о воскресеніи и чудесахъ. Все очень ясно. Міръ состоитъ изъ матеріи, которая въ свою очередь состоитъ изъ чрезвычайно малыхъ недѣлимыхъ частицъ, которыя называются атомами.

Эти атомы подчинены одному всеобщему закону,— всемірнаго тяготѣнія. Атомы находятся въ постоянномъ движеніи, сталкиваясь другъ съ другомъ, образуя тѣ или иныя группы. Все разнообразіе міра такимъ образомъ есть ничто иное, какъ различныя комбинаціи этихъ атомовъ.

Что же такое исторія? А исторія это есть послѣдовательное измѣненіе однѣхъ формъ, однѣхъ комбинацій атомовъ въ другія. При чемъ въ этомъ послѣдовательномъ измѣненіи можно наблюдать нѣкоторую закономѣрность. На основаніи научныхъ данныхъ, т. е. данныхъ, состоящихъ изъ прочно провѣренныхъ наблюденій, К. Марксу удалось открыть основной законъ этого историческаго процесса. Онъ открылъ, что все, что именуется духовной жизнью человѣчества, наука, искусство, литература, философія, религія — все это ничто иное, какъ результатъ потребностей въ ѣдѣ, питьѣ, одеждѣ, жилищѣ, словомъ потребностей экономическихъ, а измѣненіе и развитіе науки, искусства, литературы, философіи и религіи обусловливается измѣненіемъ формъ производства. Широкое примѣненіе машинъ, которыя представляютъ частную собственность и даютъ возможность воровать трудъ рабочихъ, такъ какъ трудъ этотъ оплачивается не полностью, способствовало быстрому развитію капитализма и обостренію классовой борьбы. Настоящій историческій процессъ есть медленная концентрація капиталовъ. Въ ближайшемъ будущемъ эта концентрація достигнетъ высшаго своего развитія,—тогда произойдетъ

соціальная революція: машины перестанутъ быть частной собственностью и наступитъ соціалистическій строй.

Вещь, какъ видите, чрезвычайно простая и доступная всякому и главное ея достоинство въ томъ, что она предсказываетъ желанный соціалистическій строй.

Но вѣдь, несомнѣнно, можно и вполнѣ признавать соціалистическій строй за необходимое внѣшнее условіе для дальнѣйшаго мірового прогресса, и то, что соціалистическій строй дѣйствительно осуществится въ самомъ недалекомъ будущемъ,—и все-таки ту теорію, которую предлагаютъ вамъ принять вмѣстѣ съ соціализмомъ, считать совершенно ложной. А потому нельзя ставить вопросъ такъ: если хочешь признать соціализмъ—признавай и матеріализмъ, а не хочешь признать матеріализма, отказывайся отъ соціализма. И тѣ, кто всей душой своей чувствуетъ правду соціализма, вовсе не должны ради нея во что-бы то ни стало бросать свою вѣру. Лучшимъ доказательствомъ подлинной правды всякаго ученія является отсутствіе въ немъ внутреннихъ противорѣчій и возможность рѣшить *всѣ* вопросы, не сходя съ установленной точки зрѣнія. Цѣльность, гармоничность, универсальность — вотъ черты, по которымъ мы можемъ узнать истину.

Встанемъ же условно въ положеніе человѣка принявшаго матеріалистическую теорію и посмотримъ, какъ ему придется рѣшить нѣкоторые неизбѣжные вопросы.

Возьмемъ хотя-бы слово *Свобода*.

Вамъ чаще всего, если не исключительно, приходится слышать это слово именно отъ тѣхъ людей, которые вамъ сообщили о смерти Бога и объ открытіи Маркса. А между тѣмъ эти люди не имѣютъ никакого права употреблять его, оно взято изъ другихъ ученій, оттуда, гдѣ оно имѣетъ настоящій смыслъ, гдѣ оно органически срослось съ самымъ корнемъ, съ самой сущностью міровоззрѣнія; оно контрабандой очутилось въ лексиконѣ вашихъ учителей.

Экономическій матеріализмъ безусловно отрицаетъ свободу воли. Въ мірѣ нѣтъ ничего, кромѣ атомовъ и закона тяготѣнія. Каждое явленіе, каждое дѣйствіе, и въ частности дѣйствіе человѣка, причинно обусловлены. Все подчинено желѣзному закону необходимости. Человѣкъ поднялъ руку не потому, что онъ *свободно* захотѣлъ этого,—онъ не могъ не поднять ее, и чувство *свободы* лишь кажущееся чувство. Я пишу это письмо не потому, что *свободно* захотѣлъ обратиться къ вамъ, я не могъ не написать его, подчиненный закону необходимости. Человѣкъ превращается въ заведенную машину, которая двигается туда, куда *не можетъ* не двигаться, которая пьетъ, ѣстъ, спитъ, говоритъ слова именно тѣ, а не другія, не въ силу своихъ свободныхъ желаній, а въ силу желѣзнаго закона необходимости. Если нѣтъ личной свободы, то что же въ такомъ случаѣ политическая *свобода* и чѣмъ она отличается отъ не-свободы? И почему тогда при-

ставъ, зажимающій мнѣ ротъ и запрещающій сказать: долой самодержавіе!—стѣсняетъ какую-то мою «свободу», когда я хотѣлъ это сказать не по «*свободному*» своему желанію, а какъ автоматъ, съ безусловной неизбѣжностью, и приставъ, другая комбинація атомовъ, также съ той же неумолимой необходимостью долженъ былъ зажать мнѣ ротъ и не могъ поступить иначе.

Проповѣдь семи свободъ, когда отрицаютъ одну свободу воли, и личность отдается въ рабство самому безпощадному деспоту, желѣзному закону необходимости, эта проповѣдь свободъ злая, безумная насмѣшка.

А вотъ и другой вопросъ, неизбѣжно изъ перваго вытекающій. Что значитъ на языкѣ матеріализма: это хорошо, а это дурно? это дѣлай, а это нѣтъ?

Вѣдь очевидно, что разъ всякое человѣческое дѣйствіе, всякій человѣческій поступокъ есть необходимое слѣдствіе нѣкоторой группы причинъ, то *всякое* дѣйствіе, какъ неизбѣжное, одинаково хорошо. Если одинъ отдалъ все свое состояніе голоднымъ, а другой укралъ послѣднюю рубашку у голоднаго, то и тотъ и другой, поступая не по своей свободной волѣ, которой у нихъ нѣтъ, а по желѣзному закону необходимости, — поступили въ сущности одинаково хорошо. Если вы бросите камень, онъ упадетъ на землю, а мыльный пузырь полетитъ къ небу: нельзя говорить, что камень поступилъ плохо, а мыльный пузырь хорошо, потому что и тотъ и другой не могли поступить иначе, чѣмъ они поступили.

А что означаютъ слова матеріалиста, когда онъ говоритъ: ты *долженъ* поступить не такъ, а этакъ; ты не имѣешь права дѣлать то-то...

Если я дѣлаю только то, что я съ неизбѣжностью не могу не дѣлать, если я не свободная личность, а механическій автоматъ, сложенный изъ группы атомовъ и лишенный свободы воли,—очевидно нелѣпо говорить о томъ, какъ *долженъ* былъ бы я поступить, ибо всякій мой поступокъ, какъ *неизбѣжный*, въ то же время и *должный*.

Очень легко принять матеріализмъ и отбросить то, что онъ отрицаетъ. Но тогда нужно быть послѣдовательнымъ, разъ навсегда отказаться отъ такихъ словъ, какъ *свобода*, *хорошо* или *дурно должно* или не *должно*. А отказаться отъ этихъ словъ значитъ отказаться отъ всякой человѣческой рѣчи, отъ всякаго сужденія, отъ всякой мысли — ибо все, что мы говоримъ, думаемъ, чувствуемъ, дѣлаемъ, все такъ или иначе вертится около этихъ словъ.

Но будемъ разсуждать дальше.

Рисуя всѣ прелести соціалистическаго строя, до котораго никто изъ васъ, конечно, не доживетъ,— вамъ предлагаютъ для скорѣйшаго его осуществленія не останавливаться ни передъ какой борьбой, ни передъ какой жертвой, хотя-бы даже пришлось въ жертву принести собственную жизнь.

Вамъ говорятъ объ этомъ много, горячо, и опять-таки тѣ-же люди, которые говорятъ и о смерти Бога. И вы не можете заподозрить ихъ въ неискренности и лжи, потому что они, призывая къ самопожертво-

ванію, сами первые гибнутъ въ борьбѣ за свою идею.

Но спрашивается, что можетъ отвѣтить матеріалистъ на вопросъ: зачѣмъ надо жертвовать собой для благополучія какихъ-то грядущихъ поколѣній? Не говоря о томъ, что матеріалистъ вообще не въ правѣ употреблять слово «долженъ», — но и кромѣ того, какъ съ точки зрѣнія матеріализма, съ точки зрѣнія своей «понятной», «общедоступной» и «научной» теоріи, онъ объяснитъ «*выгоду*» попасть рабочему подъ разстрѣлъ сейчасъ, лишь бы черезъ сто лѣтъ всѣ орудія производства перестали быть частной собственностью?

Не ясно-ли, что для всякаго матеріалиста, не признающаго безсмертія, выгода и благополучіе *собственной* жизни должна быть высшимъ, всѣ его поступки опредѣляющимъ, началомъ.

Конечно, инстинктъ можетъ подсказывать человѣку: заботься объ общемъ благѣ, потому что твое собственное благо находится отъ него въ полной зависимости. Но какимъ образомъ этотъ же инстинктъ можетъ говорить: отдай себя на уничтоженіе, то-есть лиши себя возможности испытывать какое-бы то ни было благо и сдѣлай это ради какихъ-то неизвѣстныхъ «комбинацій атомовъ», которыя появятся черезъ сто лѣтъ. Согласитесь—здѣсь есть какая-то безсмыслица!

Нѣтъ, если вы хотите быть послѣдовательными, хотите считать свою теорію за дѣйствительную истину, которая должна быть положена въ основу

жизни, — то не пользуйтесь словами и идеалами, выхваченными изъ положительной религіи. У васъ они мертвые обломки живого цѣлаго, прекрасные цвѣты, лишенные воды, воздуха и свѣта.

Дѣла вашихъ героевъ свидѣтельствуютъ не о томъ, что права ваша теорія,—а о томъ, что истина выше лжи, и что ложь вашего сознанія не можетъ побороть внутренней правды жизни.

Жертвовать собой, умирать за другихъ, отдавать на уничтоженіе свое тѣло можно только тогда, когда есть какой-то высшій смыслъ, лежащій за предѣлами личности, смыслъ и у человѣческой жизни и у жизни всего міра.

Самопожертвованіе не будетъ нелѣпостью только тогда, когда всѣ жившіе раньше и тѣ, кому предстоитъ жить послѣ насъ, живутъ и будутъ жить общей, единой жизнью, величіе и гармонія которой зависитъ отъ торжества Добра на нашей землѣ. А это возможно только при вѣрѣ въ безсмертіе. Отсюда ясно, что та внутренняя правда, которую вы чувствуете въ проповѣди самопожертвованія, должна привести васъ къ этой вѣрѣ, ибо правда эта съ одной стороны для васъ *несомнѣнна*, съ другой только безсмертіе можетъ согласоваться съ разсудкомъ. Если же вы считаете эту вѣру легкомысленнымъ суевѣріемъ, если вы хотите поклонитъся смерти, то прямо и честно посмотрите ей въ глаза, ничего отъ нея не утаивайте,—смерть требуетъ всего или ничего,—ее можно или побѣдить или всецѣло ей подчинитъся,—отдайте ей не только ваше тѣло, но и всѣ ваши

чувства, мысли, желанія, надежды, радость; вамъ не спрятать все равно отъ нея никакихъ контрабандныхъ «свободъ» и «самопожертвованій» — она все найдетъ, все задушитъ.

Вы прямо передъ лицомъ этой смерти должны сказать: мы твои рабы, ибо все въ насъ тлѣнно,— мы живемъ только для тебя, ибо въ насъ нѣтъ ничего кромѣ матеріи. Такъ возьми же насъ, познавшими эту высшую мудрость смерти. Мы знаемъ теперь, что нѣтъ на свѣтѣ свободы, все движется по желѣзнымъ законамъ необходимости, нѣтъ хорошаго и дурного, все одинаково позволено и одинаково ненужно; нѣтъ ничего должнаго, потому что все одинаково неизбѣжно, не нужно любить, потому что безумная матерія не достойна любви, безсмысленно жертвовать собой для счастья грядущихъ поколѣній, ибо грядущія поколѣнія такъ же ненужны, такъ же сгніютъ, какъ и наше!

О, я увѣренъ, если вы почувствуете всю неизбѣжность такихъ словъ для всякаго захотѣвшаго сдѣлаться рабомъ смерти, вы съ ужасомъ броситесь прочь—туда, гдѣ истинный источникъ радости и жизни.

Если вы почувствуете, что потребуетъ отъ васъ смерть, когда вы провозгласите ее непобѣдимой владыкой, разъ вы увѣруете, что она уничтожитъ въ концѣ концовъ все, что она не побѣждена, что нѣтъ жизни за гробомъ, — въ васъ подымется въ страшномъ возмущеніи вся сила безсмертной вашей души противъ этихъ незаконныхъ посягательствъ смерти

и станетъ вамъ ясно, что живое, свободное ваше «я» не умретъ!

Но въ такомъ случаѣ не все ли равно, какую теорію не исповѣдывать,—скажете вы,—жизнь свои права беретъ, отъ практической работы наша теорія не отрываетъ, наоборотъ даже,—такъ не все ли равно, вѣровать въ безсмертіе или нѣтъ, есть ли въ человѣкѣ душа или ничего въ немъ нѣтъ, кромѣ «комбинаціи атомовъ»? Зачѣмъ копаться въ этихъ трудныхъ и неразрѣшимыхъ вопросахъ, когда жизнь все равно, какъ ни рѣшай ихъ, идетъ сама по себѣ? Зачѣмъ вырабатывать міросозерцаніе?

Руководители ваши инстинктомъ чувствуютъ *зачѣмъ*, оттого такъ враждебно и съ такой сектантской нетерпимостью относятся они ко всякой чуждой имъ теоріи. Вся та вражда, которая существуетъ между отдѣльными соціалистическими ученіями, есть не столько вражда практическихъ разногласій, сколько противоположностей міровоззрѣній. Въ эти принципіальные споры вкладывается больше всего упрямства, ожесточенія и вражды. На первый взглядъ кажется страннымъ, что люди, съ такой пренебрежительностью относящіеся къ теоріи, могутъ вкладывать столько душевныхъ силъ въ споры, казалось бы совершенно отвлеченные и оторванные отъ жизни.

Но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Соціалъ-демократы, ревниво оберегая рабочихъ отъ интеллигентской буржуазной психологіи, т.-е. отъ самыхъ жизненныхъ и неизбѣжныхъ вопросовъ, которые рано или поздно придется рѣшать всему человѣчеству,—

инстинктомъ чувствуютъ, что въ этихъ вопросахъ заключается смертный приговоръ той *жизни*, которая стоитъ за матеріалистической теоріей. Они чувствуютъ, что разрушьте это міросозерцаніе, и вся жизнь этого человѣка станетъ иной.

Сознаніе человѣка могущественное начало въ жизни. И сковать это сознаніе рабствомъ, ограничить мертвой матеріалистической теоріей,—значитъ отдать и душу въ то же рабство смерти.

Душа не умретъ, но въ тѣсныхъ рамкахъ, въ темной тюрьмѣ, гдѣ нѣтъ ни воздуха ни свѣта, она зачахнетъ, изуродуется, обезсилитъ.

Матеріализмъ очень понятенъ, очень доступенъ, съ точки зрѣнія его такъ удобно отбрасывать трудные вопросы для ума и упразднять сложныя задачи для духа,—но въ этой заманчивой клѣткѣ такъ тѣсно, такъ холодно, что человѣкъ не можетъ расти, желѣзные прутья больно врѣзаются ему въ грудь и яркія краски лица становятся восковымъ цвѣтомъ покойника. Теорія, отрицающая свободу воли, уничтожающая грань между должнымъ и недолжнымъ, хорошимъ и дурнымъ, не можетъ убить всей жизни, но она сжимаетъ тисками духъ человѣческій, не даетъ ему постигнуть тотъ просторъ, который заключенъ въ моральной и волевой сферѣ.

Нагроможденіе той лжи, которая заключена въ матеріализмѣ, давитъ сознаніе, а оно въ свою очередь давитъ душу и жизнь. И пусть на это не возражаютъ, что среди матеріалистовъ есть люди одухотворенные, съ ярко выраженнымъ моральнымъ чув-

ствомъ, съ сильнымъ характеромъ и волей. Да, есть отдѣльные люди, которые такъ богаты всѣмъ этимъ отъ природы, что никакія теоріи не могутъ вытравить этого изъ ихъ души. Но никто не знаетъ, какой высоты достигнули бы даже эти отдѣльные люди, если-бы сознаніе не мѣшало имъ, если-бы они могли расправить свои широкія крылья и свободно взмахнуть ими!

Но, говоря о разрушительной работѣ, говоря о томъ опустошеніи, которое производитъ въ душѣ ложная теорія, я говорилъ не объ отдѣльныхъ счастливцахъ, а объ массѣ.

Если-бы матеріалистическая теорія вполнѣ могла овладѣть сознаніемъ массы, мало по-малу она привела-бы все человѣчество къ полному духовному и моральному вырожденію. Нельзя привить народному сознанію идею, что все подчинено закону необходимости, что воля человѣческая не свободна, что онъ автоматъ, что всякое его желаніе и дѣйствіе, какъ неизбѣжныя, лишены моральной оцѣнки. Нельзя привить все это народу и думать, что черезъ нѣсколько поколѣній прививка не дастъ достойные плоды Нельзя такъ искушать жизнь, нельзя думать, что, сколько-бы ни отравлялась душа мертвыми идеями, она никогда не подвергнется разложенію.

Всякому близко стоявшему къ такъ называемой партійной работѣ, гдѣ болѣе всего культивируется теорія матеріализма, гдѣ сознаніе изъ поколѣнія въ поколѣніе отравлялось этимъ гипнозомъ,—

всякому теперь ясно, что въ партіяхъ наблюдается упадокъ моральнаго чувства, разложеніе духовное. Лучшіе работники, сохранившіе свѣжесть и жизненность духа, задыхаются въ этой атмосферѣ разложенія, которая тамъ наблюдается, и смутно предчувствуютъ, что должно произойти что-то въ недалекомъ будущемъ, что-бы могло воскресить умирающія души.

И вотъ по моему глубочайшему убѣжденію первое и неотложное, что должно произойти здѣсь, это освобожденіе *сознанія* отъ того рабства, въ которое оно отдано уже многіе десятки лѣтъ.

Духъ человѣческій долженъ сбросить съ себя прочь всѣ узкія догмы наивнаго матеріализма, долженъ свободно вздохнуть, дать просторъ *всѣмъ* силамъ, заключеннымъ въ человѣческой душѣ, смѣло взглянуть туда, куда ему запрещено смотрѣть подъ страхомъ осмѣянья. Духъ человѣческій долженъ начать новую жизнь. Со всѣхъ сторонъ раздвинутся предъ нимъ долго душившія его стѣны духовной тюрьмы, онъ узритъ Бога, онъ почувствуетъ себя не только гражданиномъ земли, но и «гражданиномъ неба». Онъ пойметъ, какъ узка, мертва, ненужна, безсмысленна была его жизнь,—онъ пойметъ, что не зналъ главнаго, не зналъ смысла жизни своей и міра. Онъ почувствуетъ, что жилъ только своей жизнью, что былъ отгороженъ отъ всѣхъ и задыхался тамъ; онъ почувствуетъ себя соединенно со всѣми людьми, жившими тысячи лѣтъ назадъ, и

со всѣми, которые будутъ жить нѣкогда, почувствуетъ себя живущимъ общей жизнью съ природой, съ людьми, съ міромъ, съ Богомъ. И пойметъ тогда, какое счастье чувствовать жизнь, какое счастье не знать одиночества, любить всѣхъ, знать всѣхъ, жить одной жизнью, чаять грядущаго воскресенья!

Восторгъ новый, невѣдомый раньше, охватитъ его душу, радость, все существо проникающая наполнить его, и ему спасенному, прозрѣвшему, захочется всей жизнью своею служить и славословить Того, Кто создалъ и эту радость и эту жизнь!

Невольно вспоминается мнѣ одинъ моментъ моей личной жизни.

Я сильно мучился тогда религіозными вопросами. Послѣ бурнаго періода теоретическихъ отрицаній и нравственныхъ паденій, я рвался къ радостному берегу положительной религіи. Было лѣто, я лежалъ на травѣ, смотрѣлъ на голубое небо и думалъ о томъ, о чемъ думалъ тогда каждую минуту: что такое Богъ? И вотъ мнѣ стало казаться, что я подымаюсь отъ земли, что кругомъ меня такое же ясное голубое небо, какъ предо мной, и я полетѣлъ впередъ. Дальше, дальше. Я напрягалъ все существо свое, чтобы не останавливаться, чтобы представить себѣ безконечность. Я лечу милліоны, тысячи, сотни милліоновъ верстъ, но конца все нѣтъ, потому что лечу я въ безконечность. Нѣтъ конца!.. Мнѣ жутко и радостно и свѣтло становилось отъ

этого загадочнаго слова. А я все летѣлъ и что-то ширилось и росло въ моей душѣ, точно новый міръ открывался. Безконечность!.. Вотъ то слово, которое всякій, всѣмъ существомъ пережившій, не можетъ не познать Бога. И синее небо кругомъ меня все плыло и плыло куда-то, а я становился все меньше, все легче. Душа была полна такихъ чудныхъ звуковъ. Душа моя коснулась вѣчности, Господь былъ близко, рядомъ, и не было конца... и была лишь вѣчная безграничная радость!..

Я лежалъ нѣсколько часовъ въ глубокомъ обмо̀рокѣ, но, когда пришелъ въ себя, для меня было ясно одно: я буду грѣшить, падать, погибать, я окунусь въ темную грязную жизнь, я буду самолюбивъ, жестокъ, лживъ, но я никогда, никогда не забуду того, что узналъ. Я могу упасть въ пропасть, но я въ думѣ своей унесу небо! И оно спасетъ меня въ концѣ коцовъ.

И съ тѣхъ поръ вокругъ себя я чувствую всегда какую-то уютность и ласку, радость жизни, счастье безконечности,—а въ минуты грѣха острую боль и обиду за самого себя.

Друзья мои, братья мои! О какъ бы мнѣ передать вамъ все, что такъ ясно въ душѣ, какъ бы помочь вамъ стряхнуть, сбросить прочь мертвую руку, сжавшую ваше сознаніе и вашу душу.

О, вы такъ страдали, такъ долго страдали, ваша жизнь такая мука, что, вѣрю я, поможетъ вамъ Господь, узнаете вы новую жизнь, радостную и свѣтлую.

ПИСЬМО V.

КЪ БУДУЩИМЪ ЛЮДЯМЪ.

ПИСЬМО V.

Къ будущимъ людямъ.

Осуществились самыя смѣлыя мечты! Недостижимая утопія, фантастическія грезы, то, о чемъ боялись думать люди двадцатаго вѣка—для васъ, «будущіе люди», стало обыденной, нормальной жизнью.

Счастливы-ли вы? Прекратились-ли наконецъ тѣ страданія, уничтожить которыя люди старались въ теченіе многихъ тысячъ лѣтъ?

Когда отъ насъ требовали самоотреченія и жертвъ, намъ говорили: надо жить для будущихъ людей. И чѣмъ меньше человѣкъ думалъ о себѣ, чѣмъ больше думалъ о васъ—тѣмъ онъ былъ благороднѣй и выше! Долгимъ, мучительнымъ трудомъ достигнута каждая мелочь въ вашемъ благополучіи; ваша чудная жизнь выросла изъ земли, которую поливали кровью своей лучшіе люди міра.

Помните-ли вы объ этомъ, счастливые «будущіе люди»? Не спрашиваете-ли вы съ недоумѣніемъ и насмѣшкой: что за охота была этимъ милымъ «идеалистамъ» ради нашего счастья такъ много трудиться, такъ много страдать? «Мы будемъ свободны», вдохновенно говорили намъ наши вожди, имена которыхъ навѣрное не дошли до васъ: мы побѣдимъ всѣ преграды, мы подчинимъ себѣ законы необходимости, мы выведемъ васъ въ новое царство, царство свободы. Не будетъ тамъ ни властей, ни судовъ, ни

тюремъ, каждая свободная личность станетъ царемъ вольнымъ, могучимъ, прекраснымъ! Мы сорвемъ съ вашихъ рукъ кандалы, разрушимъ экономическое рабство, и пусть цѣною страшныхъ жертвъ, но достигнемъ наконецъ желаннаго соціализма, гдѣ всѣ люди будутъ трудиться, гдѣ всѣ люди будутъ сыты и счастливы, анархизма, гдѣ всѣ будутъ одинаково свободны!

О, если-бы вы знали, съ какимъ восторгомъ слушали всѣхъ этихъ вождей, точно все, что они говорили, относилось не къ вамъ, будущимъ людямъ, а къ тѣмъ, кто ихъ слушалъ! И вотъ теперь вы, счастливцы, дожили до анархизма, до полнаго уничтоженія экономическаго рабства. Вы видите воочію то, о чемъ бывшіе люди грезили лишь во снѣ!

Вы счастливы? Благодарны? Довольны?

Не знаю но мнѣ кажется, что нѣтъ. Вы не должны, не можете, не смѣете быть счастливы! И если это не такъ, если дѣйствительно все вамъ кажется сплошнымъ благополучіемъ — то гоните скорѣе прочь это счастье. Это не счастье, а обманъ, это не жизнь, а смерть.

Я не могу допустить, чтобы вы съ легкимъ сердцемъ, какъ ни въ чемъ не бывало, наслаждались бы своей свободой, когда вамъ извѣстно, что свобода эта куплена цѣною пытокъ, костровъ, войнъ, эшафотовъ. Неужели же мысль о томъ, что вашъ каждый домъ построенъ на человѣческомъ трупѣ,— не отравляетъ вашего душевнаго благополучія. Неужели вашъ сонъ можетъ быть спокоенъ, когда вы знаете, что спокойствіе вашего сна куплено долгими безсонными ночами невѣдомыхъ вамъ людей; неужели васъ можетъ радовать сытный обѣдъ, когда за него разстрѣливали и вѣшали людей? Неужели

вы можете со спокойной совѣстью отказаться отъ страданій, зная о страданіяхъ милліоновъ людей, которые трудились, создавая вашу жизнь.

Пусть они трудились, безкорыстно—но я увѣренъ, вы не *сможете* воспользоваться трудами этихъ безкорыстныхъ людей, вы предпочтете снова исковеркать всю жизнь, чтобы самимъ вновь начать ее перестраивать, лишь бы не пользоваться кровавыми трудами тѣхъ людей, которые жили до васъ.

И пусть сбылись мечты народныхъ руководителей, осуществлена полная политическая свобода, свергнуто экономическое рабство. Вы не можете быть счастливы и этимъ. Обманъ, миражъ—ваша свобода. Вашъ анархизмъ не есть побѣда надъ законами необходимости. Осталась одна необходимость, которая покоряетъ всѣ ваши завоеванія, которая уничтожаетъ всякую свободу—необходимость смерти!

Условія для развитія *личности* созданы,—но развиваться *ваша* личность не можетъ. Ибо тѣ, кто призывалъ бороться за необходимыя внѣшнія условія для ея развитія—лишилъ личность самаго главнаго *внутренняго* условія этого развитія: абсолютной ея цѣнности. Отбросивъ идею безсмертія какъ невѣжественный вздоръ, они превозносили *относительное* значеніе всякой человѣческой души. Сама по себѣ она уже не имѣла цѣнности, весь смыслъ жизни свелся на борьбу съ внѣшними условіями. И теперь когда все достигнуто, пустота и мракъ наполнили васъ. Нѣтъ никакого смысла у вашего существованія—а потому нѣтъ источника для развитія. Покуда велась борьба и наполняла людей благороднымъ негодованіемъ пустота была не за-

мѣтна, никто не чувствовалъ, что борьба для того, чтобы дать возможность развиваться ни для кого и ни для чего не нужной душѣ,—борьба столь же нелѣпая и не нужная сколько не нужна и та душа во имя которой свершалась борьба. Покуда передъ глазами стоялъ торжествующій врагъ, и нужно было напрягать всѣ силы, чтобы сломить его, никто не хотѣлъ видѣть какая пустота стоитъ за побѣдой надъ этимъ врагомъ.

Теперь вамъ бороться не съ чѣмъ, но и жить нечѣмъ, ибо жить не зачѣмъ. Смерть владыка вашъ.

Развѣ вы, будущіе люди, гордые, побѣдоносные цари, развѣ вы не становитесь дряхлыми, лицо ваше не покрывается морщинами, не выпадаютъ зубы, не сѣдѣютъ волосы? Развѣ сердце ваше не слабѣетъ, не дѣлается пустымъ, разбитымъ и развѣ не наступаетъ моментъ, когда оно ударяетъ въ послѣдній разъ и останавливается навсегда? Развѣ мертвое тѣло ваше не кладутъ въ деревянные ящики, не закапываютъ въ землю, гдѣ оно разбухаетъ отъ сырости, разлагается и становится прахомъ? Гдѣ же ваша побѣда? Гдѣ ваша свобода, гдѣ гордыя вдохновенныя рѣчи вождей, обѣщавшихъ побѣду и торжество?

Если не побѣждена смерть, всякая побѣда—ложь. Ложь, что человѣкъ царь, что онъ свободенъ, что жизнь идетъ впередъ, что человѣчество одерживаетъ блестящія побѣды,—ложь и праздныя слова, обольстительный миражъ, коль скоро со всей своей свободой и побѣдой, чуть остановится сердечный клапанъ—«царь» превращается въ кусокъ отвратительнаго мяса!

Обманули васъ, будущіе люди, наши вожди, когда говорили увлекательныя рѣчи о грядущемъ

царствѣ свободы, когда гордо потрясали въ воздухѣ кулакомъ, властнымъ голосомъ, блестя глазами, вдохновенно говорили: да здравствуетъ свобода!

Они привели васъ къ пустой могилѣ и сказали: ложитесь туда—вы свободны!

Они обманули васъ, потому что увѣрили васъ, будто все зло міра зависитъ отъ формы политическаго устройства и соціальной неправды. И вотъ натравливали человѣчество на борьбу съ тѣмъ и другимъ. Побѣда одержана, человѣчество торжествуетъ — но самое возлюбленное дѣтище Зла—Смерть, смѣясь и издѣваясь, коситъ свою «свободную» жатву. Ни одинъ не спасется изъ васъ отъ нея. Несчастные, ничтожные побѣдители, жалкіе рабы, въ безуміи своемъ провозгласившіе себя царями!

Вы боролись противъ самодержавія и капитализма; и противъ всего этого слѣдовало бороться, но не надо было забывать того, что и то, и другое все-таки есть лишь слѣдствіе грѣха, симптомы болѣзни, и что кромѣ палліативовъ, требуется радикальное лѣченіе. Прежде чѣмъ предлагать лѣкарство для лѣченія больного человѣчества должно было ясно опредѣлить въ чемъ заключается міровое Зло, гдѣ его источникъ и какова его природа. Нужно было придумывать лѣкарство не только противъ самодержавія, но и противъ Смерти. И тогда бы люди узнали, что противъ Зла и Смерти нельзя бороться конституціей, что побѣдить Зло и Смерть можетъ лишь одинъ истинный Спаситель міра!

На васъ, «будущихъ людяхъ», лежитъ громадная задача. Съ пользой употребите тотъ страшный урокъ, который взваленъ на плечи ваши всей долгой міровой исторіей.

Вы дожили до тѣхъ дней, о которыхъ жадно

мечтали многіе лучшіе люди, и теперь вы воочію видите, что счастье не можетъ быть на краю могилы, что свободы не можетъ быть въ заколоченномъ гробу, и на вашей совѣсти лежитъ пробить ту стѣну, къ которой привели васъ смѣлые вожди,—ибо назадъ итти нельзя.—Вы должны разрушить стѣну для того, чтобы, испытавъ все, что можетъ дать человѣку его собственная ограниченная душа, съ сыновнимъ покаяніемъ пойти къ Богу. Вы должны признать, что искру Божественную, въ каждой душѣ заключенную, вы приняли за *всецѣлую* правду и захотѣли утвердиться отдѣльно отъ Того, Кто дѣйствительная полнота и единство и въ отношеніи Котораго вы лишь маленькая ничтожная часть.

Вамъ послѣ этого страшнаго пути должно стать ясно, что все величіе, все счастье человѣка заключается въ томъ, чтобы найти свое маленькое мѣсто у подножія престола Господня!

ПИСЬМО VI.

КЪ БЫВШЕМУ ДРУГУ.

ПИСЬМО VI.

Къ бывшему другу.

Могу ли я когда пишу «ко всѣмъ» не написать тебѣ! Ты знаешь, что я люблю тебя, знаютъ это и нѣкоторые намъ обоимъ извѣстные люди,—но *какъ* я люблю и чѣмъ ты былъ для меня — этого не знаетъ никто!

Я не могу не написать тебѣ о всѣхъ тѣхъ уединенныхъ страданіяхъ, которыя истерзали мою душу и которыя—я знаю—не заживутъ никогда, ибо въ нихъ слишкомъ много моей *вины,* искупить которую задача всей моей жизни.

Но прежде чѣмъ говорить о своей *винѣ*, я хочу, я долженъ сказать тебѣ о своей любви и о томъ, почему ты сталъ для меня «бывшимъ».

Я встрѣтился съ тобой въ тяжелый, трудный моментъ своей религіозной жизни. Отъ самаго безпощаднаго отрицанія всего и всѣхъ своимъ сознаніемъ и отъ самаго дикаго самоутвержденія своей волей, я рвался къ Спасителю, къ новой жизни, къ тихой радости, къ самопожертвованію и всепрощенію. Христіанство было для меня еще туманной свѣтлой полосой гдѣ-то далеко-далеко. Но я уже зналъ и предчувствовалъ, что сколько бы ни па-

далъ въ пути, приду туда, въ этотъ дальній, свобод-
ный, радостный край. Все было во мнѣ неясно, ту-
о, юношески-наивно, я не могъ выбросить изъ
своей всей тяжести, всего сора,—но уже бы-
моменты, когда при звукѣ церковнаго колокола
ъ безпричинныя слезы восторга начинали ду-
меня, и я вбѣгалъ въ церковь, забивался ку-
будь въ уголъ и цѣловалъ грязный холодный
чувствуя, какъ въ сердцѣ моемъ все обнов-
я и оживаетъ. За пѣніемъ хора мнѣ ясно слы-
ъ *иные* голоса, изъ алтаря въ самую глубину
падали лучи такой радости, что я едва сдер-
ся, чтобы не броситься обнимать всѣхъ нахо-
ся въ церкви. Изъ церкви я уходилъ, словно
ній какую-то тайну, такую дорогую, такую
ую, что никому объ ней нельзя будетъ ска-
никогда.

ще не былъ вѣрующимъ,—но уже предчувство-
радость вѣры. И мнѣ хотѣлось скорѣе, скорѣе
изить время настоящей религіи. Мнѣ достав-
невѣроятное счастье мечтать о дѣятельности
нера, говорить о своей вѣрѣ, называть себя
христіаниномъ, исполнять всѣ внѣшніе признаки хри-
стіанства. Я изнурялъ себя постами, спалъ на до-
скахъ или вѣрнѣе не спалъ вовсе, а какъ только
всѣ засыпали, вставалъ на колѣни и простаивалъ
ночи съ надеждой и радостью, ожидая—когда Гос-
подь пошлетъ мнѣ вѣру.

Въ это время умерли два моихъ друга. Смерть

одного изъ нихъ казалась мнѣ особенно несправе
ливой и *безбожной*. Помню, когда несли открыт
гробъ, я шелъ у изголовья и мнѣ было видно е
лицо такое знакомое, такое милое, только добр
прекрасные глаза были закрыты...

Я сталъ молиться, чтобы Господь воскресилъ ег
Я требовалъ, я просилъ, умолялъ. Я почти не мо
итти отъ волненія и ужаса, который охватыва
меня тѣмъ больше, чѣмъ больше я просилъ и тр
бовалъ.

Другъ не воскресъ.

И я тамъ же на могилѣ рѣшилъ больше никог
не произносить имени Христа.

Но Господь спасъ меня. И ты былъ орудіем
этого спасенья. У гроба умершаго друга начала
наша дружба. Твоя святая, прекрасная душа косну
лась моего надрыва и я сталъ оживать. Прошло н
много времени — а ты уже былъ мнѣ необходим
какъ воздухъ, какъ свѣтъ. Только въ твоемъ при
сутствіи я воистину жилъ. Въ твоихъ глазахъ я ви
дѣлъ сіяніе Божіе и могъ молиться при тебѣ и дѣй
ствительно тайно отъ тебя молился почти всегда
Часто съ благоговѣніемъ и радостью мнѣ хотѣлос
цѣловать твои руки и жизнь твоя слилась для мен
съ моей жизнью безраздѣльно.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Въ прямой зави
симости отъ тебя, но въ полной для тебя неиз
вѣстности свершался мой духовный ростъ. Ты был
невѣрующимъ. Мы избѣгали говорить объ этомъ

Это было больно и тебѣ и мнѣ. Ты черпалъ изъ меня чувства и мысли, научался любить и думать—я попрежнему созерцалъ твою душу и въ этомъ черпалъ новыя силы для постояннаго движенія впередъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Эти годы были для меня цѣлой вѣчностью, столько самыхъ противоположныхъ и взаимно исключающихъ религіозныхъ состояній мнѣ пришлось пережить, но всегда въ минуты самыхъ темныхъ періодовъ моей жизни ты былъ для меня какой-то маленькой, маленькой свѣтлой точкой, которая совсѣмъ не исчезала изъ глазъ никогда.

Два года назадъ ты заболѣлъ и былъ при смерти. Боролась не только смерть съ *твоей* жизнью, она боролась и съ моей. Я внутренно рѣшилъ тогда, что *безъ тебя жить не буду.*

Ты выздоровѣлъ—и это былъ послѣдній моментъ нашей дружбы. Здѣсь на краю могилы твоя душа должна была сказать: да или нѣтъ. Душа твоя сказала *нѣтъ*.

Душа твоя сразу ограничилась, потемнѣла, погасъ нездѣшній свѣтъ въ твоихъ глазахъ. Другъ ушелъ отъ меня—ты сталъ бывшимъ другомъ!

О какъ я былъ одинокъ тогда! Какое отчаяніе преступное и жестокое овладѣло моей душой. Мнѣ хотѣлось въ безуміи и изступленьи—смѣшать себя съ грязью, осквернить все самое святое въ душѣ. Это было позорнѣйшее время моей жизни, о которомъ

я не могу вспоминать безъ ужаса и отвраще

Я не только отрекся отъ Христа—я рѣшилъ знательно предаться во власть Антихриста. М вая тѣнь легла на мою душу и я превратился живой трупъ.

Не было у меня прежняго друга. Но прежн друга я забыть не могъ. Я любилъ его еще силы еще мучительнѣй, чѣмъ раньше. Я боялся встр съ тобой, чтобы ты не осквернилъ прежній обр оставшійся въ моей душѣ. Мнѣ казалось, что я увижу тебя, я уже никогда не *верну* прежн друга. Встрѣча съ тобой была для меня равноси не только духовной, но и физической смерти.

О повѣрь мнѣ, что никто, никогда тебя не билъ и не можетъ любить, какъ я, ибо ни для к ты не былъ тѣмъ, чѣмъ ты былъ для меня.

И даже сейчасъ я часто вижу тебя во снѣ, т все попрежнему, точно попрежнему сіяютъ глаза, душа по прежнему чиста и бьетъ въ ней прежнему ключемъ источникъ божественной жи Будто бы я иду, по обыкновенію измученны ослабшій, а ты какъ бывало подходишь ко м говоришь «ты усталъ. Дай руку, пойдемъ вмѣстѣ И радость и счастье охватываютъ меня, я не выдержать и плачу, плачу, покудова не просну а когда проснусь, то плачу снова мучительнѣй, неутѣшнѣй уже не отъ радости,—но отъ горя.

. . . . . .

Недавно я въ сотый разъ перечитывалъ твои письма. Въ нихъ меня поразили два мѣста, точно совсѣмъ новыя, только что сейчасъ твоей рукой вписанныя—такъ неожиданно открылся ихъ новый смыслъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ ты писалъ мнѣ: «Мнѣ прямо жутко становится отъ моего невѣрія—вѣдь въ сущности безъ вѣры никакой почвы—тогда вся нравственность никуда. Неужели-же нѣтъ твердаго зданія. Ахъ какъ бы мнѣ хотѣлось! Но я не падаю духомъ и надѣюсь, да и ты поможешь мнѣ».

А въ другомъ мѣстѣ ты говоришь: «У меня нѣтъ религіознаго чувства—это со временемъ придетъ, *да и можетъ быть оно уже есть*».

Въ первый разъ за всѣ эти годы, перечитывая вотъ это письмо, которое я давно уже зналъ почти наизусть, я спросилъ себя: да почему-же, почему я не помогъ ему? Почему я ни разу не открылъ ему своей *религіозной души?* Кто же виноватъ, кромѣ меня въ его духовной смерти? Кто? И мнѣ сразу до самой послѣдней черты стало ясно, что я, одинъ только я. Я уничтожилъ своими собственными руками образъ того, кто спасъ меня, кого я любилъ всѣми силами, на какія способно мое сердце, я уничтожилъ своего свѣтлаго, какъ ангелъ, друга, я сдѣлалъ его «бывшимъ».

Моя вина, вина моего религіознаго уединенія стала предо мной во всемъ своемъ страшномъ значеніи.

Это открытіе было новымъ,—и вѣрую,—послѣднимъ окончательнымъ поворотомъ моей жизни.

Отнынѣ для меня становилось яснымъ, что эту вину свою я долженъ заплатить постоянн пламенной борьбой съ религіознымъ уединеніе черпая силы для этой борьбы въ тѣхъ страданія которыя никогда не заживутъ во мнѣ, кото каждый разъ даже съ новой, съ большей си. вспыхиваютъ при мысли о томъ, что это я, я с оттолкнулъ тебя, родной мой, единственный другъ! Я жилъ, черпалъ въ тебѣ силы познав Бога, итти ко Христу, но я ревниво, болѣзнен какъ воръ, пряталъ отъ тебя малѣйшее религіоз чувство.

Я не пускалъ тебя въ свое святое святыхъ, я молился при тебѣ, я ни разу не плакалъ предъ бой отъ счастья и радости, я ни разу не разказ тебѣ того, что говорилъ мнѣ мой Христосъ, Спаситель. Крадучись, пряча отъ тебя свою дра цѣнность, ночью одинъ, какъ безумный скупецъ, слаждался я въ своемъ уединеніи дивными, прек сными, несказанными сокровищами, которыя за рались во мнѣ и вокругъ меня!

А между тѣмъ для меня очевидно, мучительно очевидно, что если бы ты хоть разъ пережилъ со мной великую радость любви къ Христу. если бы увидалъ душу мою, когда въ ней загорался подлинный свѣтъ и открывалась ей вѣчная красота,— душа твоя коснулась бы нетлѣннаго міра и ты чистымъ сердцемъ своимъ не могъ бы не принять моей вѣры.

Ты принялъ бы ту прекрасную, вѣчную жизнь, которая раскрывается въ любви къ Божеству, ту радость, которую даетъ единеніе со всѣми и съ міромъ.

Для меня теперь ясно, что ты бы почувствовалъ всѣмъ существомъ своимъ, какая *абсолютная* правда заключена въ Христѣ. Какъ преображается вся жизнь, сиротливая и не нужная, когда измученная душа узнаетъ своего Отца. Какъ оживаетъ все отъ дивныхъ словъ «Христосъ воскресъ!» Какъ рушатся цѣпи рабства и смерти, какой восторгъ и счастье,— знать вѣрить и любить Христа!

О, если-бы я могъ, вмѣсто всѣхъ нашихъ долгихъ разговоровъ и споровъ, хоть разъ сказать: „Вѣрую въ Господа Іисуса Христа“, какъ говорилъ я это въ своемъ уединеніи, въ своемъ одиночествѣ! Вѣдь тебѣ не нужно доказывать, что міръ существуетъ. Ты вѣришь въ это. Онъ самъ говоритъ за себя. Но та правда, которая была въ душѣ моей въ часы молитвы, еще очевиднѣе, еще менѣе нуждается въ доказательствахъ. Ты не могъ бы не увидать ее. Ты не могъ бы ее не принять!

Моя вина и вина всѣхъ вѣрующихъ во Христа — въ ихъ религіозномъ уединеніи, главный источникъ котораго—эгоизмъ, самоутвержденіе.

«Гдѣ двое или трое соберутся во имя мое,—тамъ и я посреди нихъ».

Но кто собирается во имя Его? Кто приходитъ на общую молитву, забываетъ имя *свое*, не проти-

вополагаетъ себя ему, не остается со своимъ пр
нимъ я, темнымъ оторваннымъ отъ единаго Су
го? Никто. Ибо для этого вся жизнь должна ст
иной, безъ рабскихъ эгоистичныхъ привязанно
и страстей,—только свободный, любовью Хри
вой проникнутый—можетъ жить и молиться не
свое, а во имя Христово.

Нѣтъ общей молитвы,—потому что нѣтъ п
линнаго единства,—а его нѣтъ потому, что едино
не можетъ быть при *самоутвержденіи*.

Но если мы, отгородившіеся другъ отъ друга
лѣзными стѣнами,—не можемъ собраться во
Его,—то въ часы нашего уединенія у насъ все
иногда хватаетъ силы и любви отдаться Хри
если не всей душой, то хоть малою частью ея.

И Христосъ посѣщаетъ насъ измученныхъ уе
неніемъ, не даетъ задохнуться намъ въ немъ. С
открываетъ намъ далекіе горизонты вѣчности.
слѣпые начинаемъ какъ въ туманѣ различать что
и въ мертвыхъ душахъ нашихъ пробуждается
дость жизни! Не способные къ общей молитвѣ,
все же способны къ молитвѣ уединенной.

Я понялъ это. И вмѣстѣ съ тѣмъ понялъ,
отнынѣ моей главной задачей жизни будетъ поб
надъ религіознымъ уединеніемъ! Я знаю всю тр
ность этого, знаю, съ какими муками свершае
работа Господня, какого подвига требуетъ бор
съ уединеніемъ.

И я иду, иду, съ радостью беря на себя эт
крестъ!

Не сразу дается мнѣ торжество. Я не обманываю себя. Нельзя единымъ актомъ воли выбросить, разрушить свое самоутвержденіе и начать жить во Христѣ, — но видитъ Богъ, что всѣ силы свои, какъ умѣю, отнынѣ направлю на то, чтобы разорвать заколдованный, кругъ, войти изъ индивидуальной религіозной жизни въ жизнь общую, церковную. Я искуплю свой великій грѣхъ, мой дорогой ушедшій другъ, искуплю его тѣмъ, что буду всѣми силами своими бороться противъ того, что оттолкнуло тебя отъ меня.

Буду не стыдясь заставлять себя открывать душу свою передъ всѣми, жить религіозной жизнью не только наединѣ съ собой,—но всюду, публично, не ночью только, но и въ собраніяхъ, при свѣтѣ электрическихъ лампъ.

Я знаю, сколько страданій, внутреннихъ искушеній ожидаетъ меня на этомъ пути, — но я иду на него съ радостью, и отъ всего сердца своего—зову и буду звать на него другихъ!

Будемъ бороться съ уединеніемъ, будемъ готовить себя къ новой жизни, будемъ служить возрожденію вселенской Церкви,—будемъ вмѣстѣ жить, вмѣстѣ любить и вмѣстѣ молиться!—